

Александр Карпов

**Затерянные
в
Подобных Мирах**

Книга первая

16+

Александр Карпов

Затерянные в Подобных Мирах

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Карпов А. Е.

Затерянные в Подобных Мирах / А. Е. Карпов — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Никто не знает, что может случиться с тобой в малознакомой местности. Можно спокойно добраться до места назначения, а можно попасть в лабиринт, из которого не выбраться. Бывший спецназовец Михаил Шпарин, свернув с лесной тропинки, переносится в загадочный мир, где невозможное возможно и головокружительные приключения на каждом шагу. Сходство с другим человеком сыграло коварную шутку, теперь его любят и ненавидят, преследуют и хотят убить.

Содержание

Глава 1. За поворотом.	5
Глава 2. База. Неожиданный друг.	13
Глава 3. Побег.	26
Глава 4. Губернаторск.	36
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Александр Карпов

Затерянные в Подобных Мирах

Глава 1. За поворотом.

Шпарин оделся, повесил сумку с вещами на плечо, запер дверь и заглянул к соседям, семейной паре, доживающей век в деревне. Старики хлопотали по хозяйству, Тимофей Анатольевич красил забор, его жена, Евдокия Семёновна, в галошах на босу ногу обирала ягоду с кустов ежевики.

— Я уехал, Евдокия Семёновна, — сказал Шпарин, протягивая ключи. — Присмотрите за домом?

— Как всегда, Миша. Маршруток сегодня не будет, на магазине объявление, к обеду приедет Валера и тебя отвезёт.

— К обеду я буду в городе, — отказался Шпарин и потрогал пальцем синюю штaketину забора соседей. — По прямой до трассы километра три, прогуляюсь, погода хорошая.

— Лес сырой, ночью был дождь, — предупредил Тимофей Анатольевич.

— Не сахарный, не размокну.

— В следующий раз книгу новую привези. Только обещаешь.

— Привезу. Счастливо оставаться.

Усыпанная иголками тропинка вильнула, обежала замшелый пенёк, семейку длинных мухоморов и раздвоилась под прямым углом. Левая лесная дорожка, залитая солнечным светом, запетляла в корабельных сосновых стволах, правая, во влажных испарениях, коряво нырнула в густые сумерки елей. Шпарин потоптался на развилке, любясь поразительной картиной, — разделёнными массивами елей и сосен, шагнул с тропинки и споткнулся о корень ели. Раздались тонкие звуки лопнувших гитарных струн, и шершавые стволы ёлок бросились на него, обступая со всех сторон. Шпарин вздрогнул, увернулся от летящих в лицо веток, протиснулся между деревьев и, сделав несколько шагов, скатился в кювет.

Серая лента идеальной бетонки, нестандартная разметка. Широкие разделительные линии, белые, красные, жёлтые. И белый щит на противоположной стороне дороги. В овале из остроконечных зелёных листьев — клыкастая морда медведя и два слова — «Соединённое Губернаторство».

Шпарин, оставляя мокрые следы на бетоне, выбрался на дорогу, потёр подошвой кроссовки жёлтую линию, красную, белую, покачал трубу, на которой был закреплён щит, махнул ногой по высокой траве у её основания и, держась за столб, огляделся. Слева бетонка уходила в поворот, справа вела к перекрёстку. За перекрёстком зеленели просторные поля, окаймлённые полосками леса. В центре перекрёстка, в травяном круге, торчал ещё один указатель. Шпарин бросил столб, повернул направо, на слабеющих ногах начал обходить травяной круг и читать надписи на стрелках-табличках: «Боровск 23... Губернаторск 106... Семихолмск 2754... Белогорск 482... Зеленодомск 3568... Красносельск... Белокаменск... Государственная граница Северная Конфедерация 27».

«Чёрным по-белому: государственная граница. Ни сумки, ни телефона, ни бумажника, ни носового платка, ни расчески в карманах. Михаил Иваныч, вы, часом, не сбрендили? Какие мысли: параллельный мир, другое измерение, Тмутаракань... Страшный сон?».

Небо странно пожелтело, воздух наэлектризовался, начал струиться, зашипел, с небес полезла грязная рыжая вата, превращаясь в стремительном движении в рыжий туман. Туман вскипел и распался мириадами оранжевых точек. В рыжем мареве выросла плоская гора. Склоны горы со срезанной верхушкой мгновенно покрылись растительностью. На возвышен-

ность полезли циклопические строения с куполами и тарелками параболических антенн на крышах. Выросли и устремились к небу пирамидальные решётчатые мачты потрясающей высоты, выросли зеркальные сверкающие конструкции, выросли, попрыгали с горы, побежали за горизонт, и над лесом возник блеклый купол света. Из купола полезли разноцветные нити и, хаотично двигаясь, сплели разноцветные шары. Шары, вращаясь, закружили вокруг сверкающего шара, большого и косматого, слепящего глаза. Бледно-голубая планета с ярко очерченными контурами земных материков, покачиваясь, прошла над головой и врезалась, разметав малышей, в косматый шар. Вспышка. Небо поделилось на квадраты. Квадраты обратились в кубики и заплясали по небосводу. Новая вспышка и кубики сплелись в оранжевое облако. В облаке беззвучно проплыл табун низкорослых черно-белых полосатых лошадок, важно прошествовало стадо маленьких мохнатых слонов, за ним в высоких жёлтых травах потянулись кучки смешных антилоп с кривыми и погнутыми рожками на головках. За антилопами не скрываясь, открыв пасти и тяжело дыша, протащился прайд львов. На африканский мираж обрушились, распугав зверей, отряды конников на лохматых лошадях, и бросились, открывая рты в крике, навстречу лавине всадников несущихся в облаке пыли. В жестокую сечу врезались мерно марширующие колонны людей в сверкающих доспехах, колонны перестроились в каре, воины обнажили мечи и ощетинились копьями.

Отчетливая достоверность событий, ощущаемая разумом и покрытой мурашками кожей, не давала повода думать, что он сошёл с ума и осознание ужасной катастрофы, которая произошла с ним, было близко.

От накатывающей истерики отвлёк шум мотора. Из-за поворота показался пятнистый джип без номеров, проехав мимо, автомобиль резко затормозил. Открылись двери, из машины выскочили военные в камуфляже и коричневых беретах — рыжеусый розовощёкий здоровяк с капитанскими погонами и конопатый, коренастый сержант с автоматом.

— Неужели это ты?!.. — воскликнул капитан, всматриваясь в лицо Шпарина. — Додоня, наручники!

— Вы чего, мужики? Обознались?!

Шпарин попятился к кювету. Но пистолет в руке капитана не оставлял шансов — до стены леса за спиной метров двадцать, до ствола, направленного в живот, не более трёх.

Конопатый сержант забросил автомат за спину, проверил карманы Шпарина, сковал запястья и затолкал в машину.

Между первым забором из колючей проволоки и вторым, дощатым, крашеным в зелёный цвет, лежали собаки. По верху третьего, самого высокого, бетонного, торчали длинные металлические усы, толстые стержни с круглыми набалдашниками и коробки видеорекамера.

Серые раздвижные ворота, вышка с будкой и, судя по храпу, спящим часовым наверху. На воротах полуметровые буквы — «Военный клинический госпиталь» и синий ромб с чёрной змеей на ножке зелёного бокала.

На табуретке, подпирая спиной закрытую дверь щитового домика, опустив голову, дремал солдатик в жёлтых ботинках.

Не глуша мотор, капитан вылез из машины и подкрался к солдатiku. Раздался сочный звук оплеухи. На вышке проснулись и заржали.

— Бобков! Дрыхнешь!?! — рявкнул капитан. — Открывай ворота!

На территории госпиталя царил идеальный военный порядок — всё белено и крашено, вылизанный бетонный плац, прямые дорожки посыпаны гравием, ровные ряды тополей, разнэтажные строения из белого кирпича. Над одним из зданий частокол антенн и светлый шар на плоской крыше.

По плацу нарезали круги солдатiki в намордниках-противогазах. В касках, с автоматами с примкнутыми штыками, сапёрными лопатками, брезентовыми ранцами за спиной.

— Ляхов в штабе? — спросил капитан у сержанта наблюдающего за бегунами с полной выкладкой.

— В штабе, господин капитан. Гуляют! — приложив ладонь к берету, ответил тот и кивнул на двухэтажное здание в кустах жасмина. Его нежно-дурманящий запах Шпарин почувствовал ещё у ворот.

В штабе напротив двери деревянный стол с табуреткой. Капитан выдвинул ящик стола, разворошил аккуратную стопку бланков и, полистав журнал с фотографиями голых женщин, скрутил его в трубку.

— Бардак! — сказал капитан, поворачивая голову.

В конце коридора в нише под аркой висел часовой. Шпарин прислонился к стене. Сержант с отвисшей челюстью попятился. Всё оказалось гораздо проще. Чтобы было удобнее охранять штаб, часовой воткнул в верхнюю часть деревянной арки штык-нож автомата и, повиснув на его ремне, дремал.

— Да-а!.. — протянул капитан, разглядывая многочисленные отметины вверху арки. — И куда только начальство смотрит, в том числе и я?

Часовой проснулся и ошалело захлопал глазами.

— Урмикин! Я смотрю это вошло у личного состава в привычку, но попался именно ты, — процедил капитан и врезал солдатику в челюсть.

— Мордобой, как основной метод воспитания подчинённых, — сказал Шпарин. — Замечательная статья бы получилась.

Злые глаза капитана повеселели, он растянул узкие губы в издевательской ухмылке и похлопал Шпарина по плечу.

— Отписался, дружок.

В кабинете плавали клубы дыма и стоял ядрёный запах перегара. За столом, уставленным пустыми бутылками с этикетками «Водка Глобарёвская», сидели три сержанта, офицер, и пели дурными голосами. Увидев входящих, белобрысый синеглазый офицерик вскочил, шатаясь, поднёс ладонь к виску и прокричал:

— Лейнант Лях-ов!

— Вы бы ещё проституток привезли! — бросая на стол журнал, сказал капитан. — Спаиваете личный состав. Сержанты, свободны!

— А-а... Особый отдел пожаловал, — буркнул лейтенант. — Прис-аживайтесь, Супонев. Прошу закусить.

Лейтенант упал на стул, закрыл левый глаз и, рассматривая Шпарина, спросил:

— Кта эта-а?

Не отвечая лейтенанту, капитан снял телефонную трубку и набрал трёхзначный номер.

— Супонев. Двоих из дневной смены ко мне в штаб. Стоп, не надо. Сами справитесь. Бобкова с КПП — на гауптвахту, Урмикина с 1-го поста — на гауптвахту. И найдите козла, который должен дежурить по штабу. Найдёте — на губу!

— Рас-стрелять, — сказал лейтенант, поднимаясь и вытаскивая из кобуры пистолет. — Вас надобно, знаете ли, голубчик, эта... рас-стрелять, если не сознаетесь. Немедленно. И второй пусть тоже со-со-знаётся.

Лейтенанта качнуло. Раздался выстрел.

— Придурок!.. — охнул Шпарин, дрожа жилкой на виске. — Ну и придурок!

— Ляхов, идите отдыхать! — приказал капитан.

Лейтенант икнул, положил пистолет на стол, зевнул и по дуге направился к выходу. Капитан поднял пистолет, схватил стеклянную пепельницу полную окурков, бросил в мусорную корзину и окинул взглядом стол.

— Додоня, дербалызнуть хочешь?

— Кто ж не хочет, господин капитан. Не в наших правилах отказываться, если начальство настаивает. Пополнее наливайте, — глотая слюну, попросил сержант.

— Ты, Додоня, дипломат. В другой раз, — ухмыльнулся Супонев. — Я пошутил.

Шпарин оглянулся. Пуля попала в лоб лысому старикану на картине в золоченой раме за спиной. Рыхлое лицо в посеребрённой бороде, долгополый синий мундир, аксельбанты из золотой проволоки, золотые пуговицы, золотой пояс, на перевязи пурпурного цвета палаш в изумрудных ножнах.

— Его Превосходительство Генерал-Губернатор Глобарь Епифан Аристархович, — прочитал Шпарин надпись под портретом. — С мечом до колена, я так понимаю, ваш предводитель. Солидный мужчина.

Капитан распахнул окно, послонялся по кабинету, порылся в ящиках стола и потянул полуоткрытую дверцу стенного сейфа. На нижней полке поверх бумаг, папок и прочих канцелярских принадлежностей лежала бутылка водки.

— Спиваемся потихоньку, — сказал Шпарин. — Скоро вас можно будет брать голыми руками.

Капитан поглазел на дырку во лбу Генерал-Губернатора и перевёл взгляд под ноги. На полу валялась сплюснутая пуля. Супонев снял картину, прислонил к стене, достал из нарукавного кармана несколько зазубренных пластинок и, поколдовав над замком сейфа в стене, удовлетворённо потёр ладони.

— В моих краях вы бы пользовались бешеной популярностью в определённых кругах, — наблюдая за манипуляциями капитана, заметил Шпарин.

В кабинете стало заметно светлее, воздух зашипел, запорхали оранжевые точки, в тело вонзились тысячи иголок, звуки лопнувших гитарных струн, «мбум-бум-бум... — застучало в ушах, — мбум-мбум-бум... Зу-з-з-зу-з-зу-з...», — сменился стук визгом.

Предметы в кабинете и фигура капитана заколебались и приобрели размытые очертания. Кабинет раздвоился. Одинаковые капитаны в одинаковых кабинетах стояли у открытых сейфов в стене. В одном кабинете капитан положил в сейф толстую папку жёлтого цвета, в другом — заглядывая в сейф, пучил глаза и, держась руками за голову, морщился от боли.

Визг в ушах сменился стуком, голова прекратила распухать, боль, иголки и оранжевое мельтешение исчезли, предметы в кабинете и капитан вернулись в обычное состояние.

Супонев убрал руки от головы, достал из сейфа ту самую папку, толстую, жёлтого цвета, вытащил из папки лист и не спеша изучил.

— Ничего не понимаю, но лейтенанту конец. Оборотень! Грёбаный конфедерат! — выругался капитан, бросая папку в сейф. — Разорваться, что-ли? Сержант, я за Ляховым. Присмотри за писакой.

Шпарин подождал, пока гулкие шаги в коридоре не стихли, и вытянул руки.

— Сними кандалы.

— Счаз-з вам... — буркнул сержант сдвигаясь к стене, подальше от «писаки». — Не балуйте.

Шпарин подошёл к окну и перегнулся через подоконник.

— Додоня, а твой капитан лежит на земле. Умер, наверно.

— Чего...

Шпарин ударил сержанта, шагнувшего к окну, ногой в пах и скованными руками добавил по затылку. Додоня рухнул на пол. Шпарин вытащил из кармана сержанта ключи, освободился от наручников, поднял автомат и снова выглянул в окно.

На плацу бегуны в противогазах разделились на группы и тыкали в манекены автоматами — отрабатывали штыковой бой, к штабу подъехал тентованный грузовик, из кузова высыпали солдаты, из кабины вышли два офицера, и вся группа военных уселась в курилке.

«Не уйти. Узнаю, хотя бы, из-за чего сыр-бор».

Шпарин положил автомат на стол, бросил наручники и достал из сейфа жёлтую папку. В правом верхнем углу: «Высшая степень секретности». Чуть ниже: «Департамент Закрытых Исследований». По центру: «Проект Сеть. Принципы моделирования пространства. Рабочая версия. Научный руководитель проекта профессор Гамкин». Рукописные листы, мелкий, стремительный почерк. Множество исправлений, зачёркиваний, дописок на полях. Шпарин, не вглядываясь в текст, выдёргивал из папки лист за листом, пробежал глазами и убирал назад. Формулы, схемы. Формулы, схемы...

Сержант пошевелился, сел и потрогал затылок.

— Ловко дерётесь. Офицер?

— Не только офицеры ловко дерутся.

— Офицер, по выправке видно. Какое у вас звание?

— Капитан, — ответил Шпарин, закрывая папку.

— Автомат отдайте, господин капитан. Он меня изобьёт, — сказал Додоня и, открыв рот, показал широкую щель в зубах. — Всё время колотит.

В коридоре послышался топот. Шпарин вернул папку в сейф, сел на стул и протянул руки к сержанту.

— Спасибо, — прошептал Додоня, хватая наручники со стола. — Я запомню.

Дверь открылась в кабинет, тяжело дыша, вошёл Супонев, без берета, с лиловым синяком под левым глазом и ссадиной на подбородке.

— Как всё прошло, поймали оборотня? — спросил Шпарин, любуясь фингалом.

— Лежит твой оборотень под брезентом с дыркой в башке. Настигли. Ещё немного и ушёл бы, — ответил капитан, осторожно прикасаясь к повреждениям на лице. — Сопротивлялся отчаянно, мерзавец.

— Куда бы он ушёл, датый впополам? С двух шагов в меня не попал, — сказал Шпарин.

Капитан подтянул стул от стола, уселся и, сложив ладони, похрустел пальцами.

— Что ты делал у режимного объекта? Советую больше не шутить, иначе проблемы на твоей смазливой морде возникнут сразу после того, как ты закроешь рот.

— Повежливее, повежливее! — предупредил Шпарин. — Иначе проблемы возникнут у вас. Обратная связь, так сказать.

— Да ты что? — наотмашь хлопая Шпарина по щеке, удивился Супонев.

Шпарин поднял руки над головой и ударил капитана в лицо.

— Сволочь!.. — лёжа на полу и ощупывая физиономию, простонал капитан. — Нос...

Шпарина привели к зданию с шаром на крыше, опустили на лифте на третий подземный этаж и начали готовить к промыванию мозгов. Зал забит аппаратурой, в центре помещения массивное металлическое кресло, мощные слесарные тиски на углу металлического стола, хирургические инструменты на белой клеёнке. Люди в чёрных халатах содрали одежду, усадили Шпарина в кресло, вдели руки и ноги в широкие хомуты, намертво пристегнули к подлокотникам и ножкам, надели на голову ажурный сетчатый шлем и распахнули веки маленькими прищепками. На рукавах палачей в чёрных халатах краснели шевроны с чёрными цифрами от единицы до одиннадцати.

За прозрачной перегородкой в небольшом кабинете грузный полковник с пушистыми бакенбардами и Супонев в новом мундире. Полковник с бакенбардами и капитан сверлили друг друга глазами и беззвучно открывали рты. Капитан держался очень уверенно, выглядел похудевшим, распухший нос удлинился, ссадина на подбородке исчезла, синяк переместился на правый глаз. Разительные перемены насторожили, но сейчас Шпарина волновали действия людей в чёрных халатах толпящихся вокруг спецкресла.

— Геннадий Илларионович, включите микрофон в кабинете, послушаем, о чём Древака беседует с особистом, — крепя на теле Шпарина присоски с датчиками, попросил блондина в очках добрейшего вида седой толстячок с пронзительными голубыми глазами.

Добрый толстячок подёргал присоски, потёр ладошки и представился:

— Профессор Давкин, твой новый доктор. Люблю, знаешь ли, всё делать сам.

— Вижу, — сказал Шпарин, разглядывая человеческие органы в сосудах на стеллажах. — С энтузиазмом вытаскиваете внутренности. А халаты почему чёрные, чтобы не было видно крови?

Полковник за прозрачной перегородкой вытряс папиросу из пачки на столе, щёлкнул зажигалкой, вытянул из кармана кителя красное удостоверение и поднёс к распухшему носу капитана.

— Читай: «Шпарин Михаил Иванович. Капитан. Специальный агент». Это он тебе нос подправил? Чуть более трёх лет назад Шпарин был переправлен к конфедератам для внедрения в тамошние оппозиционные круги под видом диссидента бегущего от насилия властей, запрещающих свободу слова, мысли, и так далее. Я сам его готовил и натаскивал. Один из лучших кадров. Завёл друзей и единомышленников в элитной журналистской и писательской среде. Благоклонно принят в структурах близких к власти. Приобрёл приятелей среди офицерского состава одного из главков Министерства обороны. Помимо постоянно публикуемых пасквилей в адрес бывшей родины, издал несколько тонких книжек той же направленности и два любовных авантюрных романа. Когда успел?.. Выезжал на конференции за границу, где читал лекции о современных реакционных и диктаторских режимах. Несколько раз арестовывался за зубодробительные скандалы в питейных заведениях высшей пробы, каждый раз уходя от ответственности благодаря связям на верхнем уровне. Любимец женщин. Множество вызывающих интрижек со светскими дамами. За три года два раза женился, первая жена — дочь начальника одного из управлений Министерства обороны, вторая — дочь замминистра Военной промышленности. Использовал их на всю катушку для получения информации военного значения. Представляешь, как ему пришлось потрудиться?.. Агентурное имя — «Весельчак».

— Поразительная работоспособность, то есть дикое здоровье, — вздохнул Супонев. — Я помню все его гадкие статейки в центральной прессе. И ту последнюю, перед тем, как он исчез — «Повальная коррупция в Департаменте Безопасности».

— В статье, кажется, упоминалась и твоя фамилия. Как только тебя тогда не посадили? Ну да ладно, дело прошлое.

Полковник встал, походил по кабинету и резко повернулся на каблуках жёлтых ботинок.

— Имея здешние оппозиционные заслуги, Шпарину удалось достаточно легко стать своим там. Этому способствовало и то, что к конфедератам он перебежал отнюдь не с пустыми руками. Шпарин утащил с собой данные о наших секретных военных проектах. Конечно «дезу», но «дезу» отличного качества. Над ней не один месяц трудился целый коллектив специалистов. К успехам Шпарина, кроме литературных, необходимо отнести передачу информации особой важности о новейших разработках конфедератов касающихся «ХОЛМА»... И по данным других агентов работы в этом направлении ведутся в стане вероятного противника. Но возникает вопрос: как документы из опечатанного кабинета профессора Гамкина оказалась в сейфе у Ляхова? Причем в первозданном виде, не на электронных носителях или, хотя бы, микрофильмированными. На территорию Центра доступ разрешён ограниченному кругу лиц. Кто-то подставил Ляхова и вместе с ним меня. Не верю, что он шпион. Кто-то орудует на Базе и в Центре, — оглаживая правую бакенбарду, сурово произнёс полковник. — Будут проблемы. У Ляхова дядя заместитель вашего Начальника Департамента Безопасности.

Супонев потёр вспотевший лоб.

— Не знал. Ошибочка вышла, господин полковник.

— Работаш в Департаменте Безопасности и не знал? — удивился Древака. — Но нам простят лейтенанта, если мы выведем на чистую воду тех, кто за этим стоит. Вернёмся к Шпарину. Отпечатки пальцев совпадают, но есть неувязочка и, пожалуй, одна из самых важных.

Полковник вернулся к столу, уселся и постучал пальцем по клавишам монитора. По экрану поплыли кадры.

— Полюбуйся. Узнаёшь? Три месяца назад. Рапорт патрульной группы соседнего погранотряда о стычке на границе с патрулем потенциального противника в результате которой имелись жертвы с обеих сторон. На нашей территории обнаружен труп мужчины, переходившего границу, причём пули прилетели с той стороны. Это же подтвердили эксперты прибывшие на место происшествия и насчитавшие три ранения не совместимые с жизнью в спине перебежчика. При убитом нашли рукопись книги с вложенным в неё билетом на поезд Семихолмск-Губернаторск. Рукопись — этакое пособие для начинающих борцов с диктатурой власти. Его стиль. Ёрничает чересчур, но мне понравилось. В рукописи обнаружили страницы зашифрованного текста. Часть записей безвозвратно испорчена. Но то, что удалось расшифровать, приятно удивило. Шпарин возвращался с информацией на офицеров спецслужб, работающих на конфедератов, в том числе и в Департаменте Безопасности. Дальше ещё интереснее. Когда вернулись забрать труп, трупа на месте перестрелки не оказалось. Никаких следов.

— А вот это... — задумчиво произнёс полковник и пальцем покатал по столу багровый цилиндрик. — А вот это нашли в траве, в том месте, где лежал убитый Шпарин.

— Помада?

— Помада. Из женского подарочного набора. Такие производит известная парфюмерная фирма у конфедератов в Семихолмске.

Древака снял колпачок и понюхал багровый столбик.

— Внутри газовая субстанция. Спектральный анализ ничего не прояснил. Спецы из третьей лаборатории теряются в догадках. Светили и тем, и этим... В центре сосуда — кристалл, в кристалле капелька. Заметна лишь при тысячекратном увеличении. Учёные «головастики» уверяют, что это миниатюрнейший клон человека.

Капитан потерял интерес к цилиндрику.

— Куда же он девался, труп Шпарина?

— Самому не терпится узнать. Сейчас у него, у трупа, и выясним. А скажи-ка, капитан...

— Весельчак! — с издёвкой произнёс профессор. — Однако, ты загадочная личность. За работу, коллеги! Геннадий Илларионович, отключите микрофон в кабинете.

Профессор наклонился, положил ладони на подлокотники кресла и приблизил лицо к лицу Шпарина.

— Сейчас я расскажу, как мы будем работать. Я буду задавать вопросы, а ты отвечать. Не задумываясь. Это «Фаза 1». Оу!.. Ты боишься! Прекрасно. Если «Фаза 1» пройдёт гладко — все довольны, и ты возвращаешься в распоряжение полковника, если нет — «Фаза 2». Начинаем всё сначала. Будешь врать, а я это увижу, уверяю тебя, последует удар током небольшой силы. Вопрос — неверный ответ — удар. Напряжение с каждым плохим ответом будет увеличиваться. При отсутствии нужного мне результата — «Фаза 3». В вену вводится препарат, и ты выбалтываешь всё, что знаешь, при этом твои мозги вскипают. Не каждый после такой процедуры остается в своём уме. «Фаза 4» — жёсткое сканирование и по окончании ты растение, в лучшем случае. Это понятно? Но сразу я тебе умереть не дам, будешь в сознании. Ты у меня покорчишься. Понятно?

— Понятно, — кивнул Шпарин, — Вы профессионалы, только какой это профессионализм, если не сочли нужным закрепить голову, а я ведь наверняка начну трепыхаться, биться и поврежусь раньше времени. Могу шею сломать. Полковник за преждевременное умерщвление объекта по лысинке не погладит.

— Молчать! — заорал профессор.

— И подслушивать начальство нехорошо, и вообще, скажу я вам, допотопными методами работаете, по старинке.

Профессор, вытаращив голубые глазки, тяжело задышал, схватил с белой клеёнки скальпель и, прижав к животу Шпарина, повёл вниз.

— Ты, Давкин, больная сволочь, а не доктор, — сказал Шпарин, глядя на струйку крови бегущую к паху.

Глава 2. База. Неожиданный друг.

Древака толкнул прозрачную дверь. Профессор подступал к Шпарину со шприцем в руке.

— Запись! «Фаза 3», дробь два, вторая инъекция, препарат «Альфа 05».

— Стоп! — сказал полковник, отводя профессорскую руку. — Стоп!

Шпарин полулежал, полусидел в кресле, удерживаемый хомутами. Разрезанные тусы в крови валялись на полу. Голова свесилась набок. Мужское достоинство Шпарина с металлической прищепкой и отходящим от неё проводом, багрово стремилось к потолку.

— Имея такое достояние можно всю жизнь не работать, — усмехнулся полковник, — а разъезжать по курортам и снимать богатеньких дамочек, то есть работать проституттом. Или «альфонсом». Капитан, ты мог бы продвинуться на этой стезе? А вот он смог, с пользой для государства. Однако, к делу. Насколько я знаю из практики, профессор, подобного состояния ваши пациенты достигают аккуратно к своей кончине. Вы не перестарались, пока мы беседовали с капитаном? Почему у него живот в бинтах?

— Таким доставили, господин полковник! Всё время врёт. Врёт! Несёт околесицу. Приходя в сознание, издевается. Ещё тот экземплярчик. Вводим внутривенно препарат средне-тяжёлой избирательной направленности «Альфа» 05», созданный в лаборатории по заданию Департамента.

— Статистика применения достаточно позитивна? — осведомился Древака.

— Препарат новый, использовался ограниченное количество раз. Методика применения отработана не до конца, но сдвиги есть. Из двадцати испытуемых макак, пять обезьян показали отрицательный результат. Допустимые незапланированные потери. Процент убыли сопоставим...

— Вы мне ещё лекцию прочитайте, — спокойно начал полковник. — Я просил вас, профессор, деликатно, можно даже сказать, бережно, отнестись к нашему гостю, а вы наплева- тельски отнеслись к моим пожеланиям и, опоздай я на некоторое время, я в этом совершенно уверен, своими экспериментами умертвили бы ценного агента.

Древака глубоко вдохнул и выдохнул, рот полковника исказился.

— Вы вредитель, профессор Давкин! Кто ваш заместитель?

Вперёд выдвинулся высокий блондин в очках.

— Я, господин полковник. Лейтенант медицинской службы Евпахов.

— Данные профессора Давкина верны? — вкрадчиво спросил Древака.

— Не совсем... наоборот... не верны, — запинаясь, ответил лейтенант в чёрном халате.

— Да или нет?

— Совсем не верны.

Вокруг профессора образовалась пустота. Чёрные халаты расступились, образовав круг внутри которого находились профессор и кресло с обмякшим Шпариним.

— Выведите его из этого состояния! — приказал полковник.

— Сейчас сделаем ещё укольчик и будем как огурчик. Вот так... Вот так... — приговаривал профессор, совершенно напрасно думая, что гроза миновала, и потёр ваткой место укола.

— Ну!.. — прорычал полковник. — Скоро? Какую ввели дозу?

— Пять кубиков, — промямлил профессор. — Сейчас, сейчас, антидот подействует, не беспокойтесь, господин полковник.

— Что стоим? Снимите с него оковы, этот дурацкий колпак и остальные прибабасы.

Чёрные халаты и профессор Давкин бросились сдирать навесное оборудование с тела Шпарина. Очкастый лейтенант медицинской службы оглянулся на профессора, приблизился к полковнику и начал шептать тому на ухо.

— Вот как?! — сказал Древака, округляя глаза. — Это меняет дело!

— Я убеждал профессора Давкина! — повысил голос Евпахов. — О необходимости изменить состав препарата, продолжить исследование сыворотки на приматах и только потом переходить к испытаниям на людях. Вот результат непонятого подбора составляющих и непродуманной методики: сорок семь обезьян протянули копыта, извиняюсь, лапы. Все десять заключенных, присланных для опытов, мертвы. Скажу больше: по твёрдому убеждению сотрудников лаборатории и моему, профессор Давкин — маньяк.

— Как сорок семь?! — воскликнул Древака. — Профессор доложил другие данные. Вот только одного не пойму, что можно выведать у макак, если они макаки?

— Не скажите, господин полковник, хотя «Альфа 05» и недостаточно отработан, у него большой потенциал. Подопытные делали попытки подражать человеческой речи, а некоторые особи довольно членораздельно выражали недовольство питанием, грубым отношением персонала питомника и, что особенно меня поразило, жаловались на профессора Давкина.

— Наглая ложь! — запротестовал профессор.

Супонев развалился на кожаном диване в пустующем углу лаборатории. Ему было хорошо. Медицинский спирт приятным теплом разливался по желудку. Пока полковник разбирался с персоналом, капитан побродил по лаборатории, заглядывая в стеклянные шкафчики, и обнаружив в одном из шкафчиков колбу с бумажной наклейкой «спирт», сходил в туалет, где из крана текла холодная вода.

Лейтенант медицинской службы размашисто показал на Шпарина.

— Далее — побочные эффекты. У всех испытуемых увеличились пенисы.

— Вот это здорово! — немедленно отреагировал Супонев.

— В том числе и у приматов. Но в процессе изысканий стали происходить совершенно непонятные вещи. Все подопытные лысели, волосяной покров исчезал от головы до ног, а у некоторых объектов лопнули глаза...

— Вот это плохо! — опечалился Супонев.

— ... лопнули глаза и треснули черепные коробки в районе затылка.

— А где наш маньяк? — озаботился полковник. — Что-то я его не вижу.

Профессор Давкин, предчувствуя неладное в судьбе, потихоньку, прячась за спинами сотрудников, двинулся к выходу из лаборатории.

— Вот он! Хватайте его! — скомандовал Древака. — Свяжите и положите вон там, в углу у дивана. Заклейте рот, чтобы не тявкал и не мешал работать. Шпарина я ему не прощу.

— По времени: пора, — посмотрев на часы, сказал Евпахов. — Антитод проверенный.

— Не понимаю, как он остался в живых после вашей «Альфы»? — удивился Супонев. — Судя по твоим рассказам, клиент уже должен был превратиться в лысое, безглазое чудовище с лопнувшей черепушкой.

— Я подменил препарат, — скромно сообщил Евпахов. — Первую инъекцию делал я и ввёл клиенту комбинатуру состоящую из мощных синтетических доминантов увеличивающих потенцию, строго дозированное количество препарата «Альфа 05», некоторые вспомогательные вещества... плюс... э-э... удары электротоком. Если он агент, для работы этот феноменальный результат не повредит. Даже, напротив.

— Даже напротив, — подтвердил Древака. — С этой минуты ты начальник лаборатории. Буду ходатайствовать о присвоении внеочередного звания. Но скажи, какими мотивами ты руководствовался, подменяя препараты?

— Простыми человеческими чувствами, господин полковник. Памятуя, конечно, в первую очередь, о вашем приказе об особом отношении к пациенту.

— Не завирайся, — хихикая, сказал Супонев, — подселел начальничка, испытывая собственные наработки.

Шпарин сполз с кресла, покачиваясь, встал на ноги и посмотрел вниз.

— Это навсегда? Или пройдёт?

— А как бы тебе хотелось? — угрюмо спросил Супонев.

— Да, как бы вам хотелось? — в свою очередь спросил лейтенант медицинской службы.

— Всё в наших руках, в моей формуле.

— Пусть остаётся как есть. Я согласен.

— Ещё бы!.. — с сарказмом сказал Супонев.

— На том и порешим, — сказал полковник. — Но в первую очередь необходимо прояснить некоторые моменты, связанные с твоим неожиданным появлением. И как бы ни устал, залазь-ка ты, Миша, обратно в кресло.

Забывший на время профессор Давкин каким-то образом сумел освободиться от пут и, дав знать о себе диким криком, схватил шприц с «Альфой 05» и бросился на Евпахова. Нового начальника лаборатории спас вездесущий Супонев. Подставив профессору ногу, капитан ловко подхватил Давкина, развернул и толкнул к спецкреслу, куда тот был моментально усажен и вдет в хомуты своими сотрудниками.

— Не ожидал я от вас такой прыти, профессор, — сказал полковник, подходя к креслу.

— Наговоры, — пряча глаза, выдавил Давкин. — Это просто смешно.

— Позвольте, позвольте! — сказал Евпахов. — У меня есть запись, где вы зажимаете в тисках голову гамадрила, одетого в мундир, боюсь произнести... Генерал-Губернатора. Представляете, что чувствовал бедняга, господин полковник? Хотите посмотреть?

— Кто чувствовал? Генерал-Губернатор?

— Гамадрил, господин полковник, конечно, гамадрил, — поспешил заверить новый начальник лаборатории.

— Ты говори, да не заговаривайся, Евпахов. Как-нибудь в другой раз. Будем действовать традиционными методами. Что там у тебя ещё, кроме твоей «Альфы»?

— Масса препаратов — пентонал натрия, аминазин, амитал натрия, скополамин. Последний не рекомендую, наряду с реальными воспоминаниями может вызвать ложные, а также амнезию. Я бы применил для достижения максимального эффекта мою сыворотку. Единственный минус — испытуемый всё-таки полностью потеряет память. Комбинация проверена и отработана. Если господин полковник прикажет, то мне потребуется минута для экспресс-теста физического состояния профессора.

— Страхуешься... — сказал Супонев, примеряя сетчатый шлем побывавший на голове Шпарина. — Страхуешься на случай, если начальник склеит ласты.

— Обижаете, господин капитан. Тест необходим для правильного подбора дозы.

— А я про что говорю, — согласился капитан. — Не налазит.

— Нажмите на регулятор сверху и панели раздвинутся, — подсказал Евпахов, прикладывая к телу профессора прибор с индикаторами и шкалами.

— Во... Теперь впору. На кого я похож? — спросил капитан у Древаки.

— На придурка, которому надо всё полапать, — ответил полковник.

— Я готов, — доложил новый начальник лаборатории, показывая Древаке шприц, наполненный мутной жидкостью.

— Итак! — сказал полковник. — Кого мы видим перед собой? Мы видим профессора Давкина. На самом деле это позор нашего Департамента Тайных Операций. Профессор запрограммировал программу по созданию нового вида сыворотки, доверенную вашей лаборатории и, что особенно удручает, запятнал себя маниакальными издевательствами над подопытными животными. И мне кажется, что это не все преступления так называемого профессора Давкина. Мы узнаем, кто он на самом деле. Приступай, Евпахов.

С профессора сорвали халат, разорвали рукав белоснежной рубашки, новый начальник лаборатории с нескрываемым удовольствием помассировал завизжавшему профессору правую руку, пощупал вену и медленно ввёл препарат.

— Все вон! — приказал полковник, когда допрос профессора Давкина закончился. — Всё, что видели — забыть. Унесите труп. И ты, Евпахов, тоже иди.

— Позволю заметить: он ещё живой.

— Ты знаешь, что делать — «Альфа», удавка на шею... Только не здесь. Подашь рапорт о гибели профессора при неосторожном обращении с новым препаратом.

Чёрные халаты утащили профессора. Древака устало потёр лоб и промокнул лысину носовым платком.

— Вернись, Евпахов! Надо закончить дело.

— Шпарин! — сказал полковник Супоневу. — Забыли про Михаила Ивановича.

Шпарин спал в углу лаборатории на кожаном диване, свернувшись калачиком, спал спокойно, как в своей постели.

— Нервы, как канаты. Поразительно, — хмуро заметил Супонев, усаживаясь на стул рядом с диваном.

— Это может быть реакцией на перенесённые испытания, — сказал Евпахов. — Также такое поведение встречается у людей alertных, подготовленных и неординарных, с устойчивой психикой.

— Кстати, насчёт психики, Евпахов. У тебя есть специалисты по гипнозу?

— Так точно, господин полковник! Есть несколько спецов. Один спец очень хорош. Но неадекватен, пьёт. Днём, правда, ни грамма. Работает у Пригова в кабинете психоаналитики.

— Немедленно доставить, — приказал Древака. — Но какая сволочь, этот профессор... Серия смертей при невыясненных обстоятельствах среди пациентов Экспериментального Центра нейрохирургии и психологии, где профессор обрелся в должности завотделением. Профессиональный убийца в медицинском халате. Матёрый шпионище. На кого же он всё-таки работал? Так и не выдал. Может мы зря прикончили профессора? Поторопились? Надо выписать из Департамента другого профессора. У нас профессоров много. Супонев, это камень и в твой огород. Каменюга!..

— Медицина не по моей части.

— Не увиливай. По чьей протекции он у нас оказался? Вот где начало цепочки, размотаем, выйдем на всю группу. Слушай, Супонев, он тебе никого не напоминает?

— А кого он должен мне напоминать? — поинтересовался капитан.

— Профессора Гамкина. Профессор и его зам исчезли несколько месяцев назад. Удивительное сходство. Ежеле сбрить бороду, усы, надеть очки... А?.. Гамкин — Давкин, Давкин — Гамкин, может они родственники?

— Выкрали конфедераты, — предположил Супонев.

— Вряд ли, — сказал полковник. — Мы бы узнали.

— Посодействуйте в получении очередного звания, господин полковник. Вы с моим начальством водку пьёте, в банях паритесь. Перехаживаю в капитанах второй год. Посодействуете, Фёдор Максимович, или к себе возьмите.

— А ты шельме-ец, Супонев, шельмец. Подумаем.

Древака вернулся к мысли прерванной капитаном.

— Удивительное сходство. Сделай завтра запрос по своей линии. По Давкину и отдельно по Гамкину. Осторожненько сделай. Официальный запрос не вызывающий ненужного внимания: прошу уточнить некоторые данные... Ну, сам знаешь.

— Уже сегодня, — сказал Супонев, мучаясь от изжоги. — Десять минут первого.

— Значит, сегодня. Пора заняться тотальной проверкой Базы. Я носом чую, что не всё ладно в наших рядах.

Полковник понюхал воздух и потянулся к Супоневу.

— От тебя свежачком несёт. Ты что, выпил? Занимаемся серьёзным делом, а ты...

— Совсем немного, Фёдор Максимович, надоело всё до нельзя. Хочу в отпуск.

Древака кивнул на стеллаж, где на полке стояли банки с человеческими глазами.

— А ты выпей ещё, может перехочется. Заодно закусишь. Какой отпуск, сам видишь, что творится, шпион на шпионе.

— Господин полковник! Больше не повторится!.. — поклялся Супонев. — В рабочее время.

— Оставляешь путь для отступления, — смягчился Древака. — Ладно, проскочили.

Полковник, наконец, обратил внимание на приведённого Евпаховым черноволосого, носатого, полусонного мужчину лет шестидесяти, с кудрявой бородой и стеклянным взглядом.

— Миазмов Эфир Спиритович, — нечётко выговаривая слова, представился борода-тый мужчина. — Специализация — экстрасенсапарапсихолог. Также медиум. Вижу человека насквозь. Выворачиваю мозги наизнанку. Влюбляю, разлюбляю. Навожу порчу. Двигаю пред-меты. Брею на расстоянии. Потомственный колдун в тридесятом колене.

В лаборатории усилился запах алкоголя.

— Что-о!?!.. — завопил полковник и лапнул кобуру. — Евпахов! Ты кого привел? Да он пьян! Что он несёт? Идиот! Расстреляю! Взбесились все? Сумасшедший дом!..

— Я давно догадался. Полагаю, что это прекрасно знаете и вы, — меланхолично произнёс Супонев, качая ногой.

— Есть сотрудники похуже, — сказал новый начальник лаборатории. — Как справедливо изволили отметить вы, господин полковник, и капитан Супонев, мощные электромагнитные поля и, как следствие этого, микро и макроклимат вокруг «ХОЛМА» не способствуют сохранению в должной мере нормального психофизиологического состояния персонала.

— Кстати, о психофизиологическом состоянии, — сказал Древака. — Недавно обнару-жил в казарме роты охраны связки сушёных мухоморов в разных укромных местах, даже в оружейке. Больше всех, как всегда, отличился второй взвод. Ходят пьяные, а не пахнут.

Шпарин уже давно слушал разговоры палачей и как-то довольно спокойно раздумывал, что ещё такого эти гады могут с ним сделать? Но только до того момента пока не появился очередной мучитель.

— Ладно, — неожиданно просыпаясь, сказал Шпарин и опустил ноги на пол. — Расскажу всё, как на духу, только уберите бородатого психа.

— Не верю я всем этим гипнозам, наговорам, порчам и остальной ерунде, — заявил Супо-нев.

— Хотите, покажу, что умею? — спросил бородастый «псих», упираясь взглядом в бли-жайший стеклянный шкафчик.

Экстрасенс напрягся, морщины на лбу сошлись в извилистые линии. Миазмов театрально выбросил руки вперед. Стеклянные дверцы разлетелись вдребезги, на пол посыпались колбы, пробирки и прочая лабораторная утварь.

— Ого! — воскликнул полковник, отодвигаясь от экстрасенса.

— Вы меня удивляете, Эфир Спиритович! — поразился новый начлаб. — Раньше такой энергетики у вас не наблюдалось.

Экстрасенс повернулся к Супоневу, невнятно произнёс несколько фраз, потряс бородой и снова махнул руками.

— Прямо факир в цирке... — начал Супонев, но договорить не успел. На капитане лоп-нул ремень на форменных брюках, разлетелась молния, а сами штаны опустились до колен, обнажив розовые ляжки в розовых трусах.

— Всё в масть, — подытожил Шпарин. — А где у него пиписька?

— Охо-хо... — прикрывая рот рукой, сказал Евпахов. — И правда, не видно.

— Уху-ху... ху-у... — рассмеялся Древака, но быстро осёкся. — Верю, верю. Хватит, Миазмов. Беру свои слова обратно... насчёт идиота.

Супонев, затравленно озираясь, придерживая брюки руками, заметался по лаборатории.
— Возьмите, — сжалился над капитаном Евпахов и подал резиновый жгут для остановки крови.

— Мастерство — оно навсегда, не пропьёшь, — сказал экстрасенс, наблюдая, как капитан приводит форму в порядок.

Древака положил ладонь на плечо Шпарина.

— Миазмов, покопайся в мозгах у этого молодого человека, я хочу знать, кто он на самом деле.

— Я подданный Российской Федерации! — гордо сказал Шпарин. — Хочу видеть консула или, хотя бы, звонок в посольство.

Экстрасенс вздрогнул.

— Ты перепсиховал, вот и несёшь всякую чушь... — пробормотал полковник и погладил Шпарина по голове. — Посмотри вокруг, ты не на допросе в застенках у конфедератов, а у себя дома, в родном отечестве. Наверное...

Экстрасенс с нескрываемым любопытством разглядывал Шпарина.

— Сейчас я начну читать роман «Любовные связи». Знакомы с этой книгой? — подмигивая Шпарину, спросил Миазмов.

Шпарин поёрзал в спецкресле и кивнул.

«Интересно, интересно, «Любовные связи» мой первым роман, откуда он про него знает?».

— Вы будете внимать спокойной размерности предложений, их отточенной законченности, расслабитесь, почувствуете гармонию с окружающим миром, уснете полным, глубоким сном, и ответите на все вопросы, которые я задам.

Первая страница, вторая, Шпарин не засыпал. Полковнику надоело слушать о хитросплетениях любовного многоугольника, и он махнул рукой.

— Хватит, Миазмов, — сказал Древака. — Твой метод не действует. Евпахов, почему наш гость не впадает в транс?

— Помните историю с нелегалом конфедератов, готовившим покушение на Генерал-Губернатора, господин полковник? Подвергнутый регрессивному гипнозу агент признался, что участвовал в нескольких удачных покушениях, каких именно, на кого и когда, выяснить не удалось. Был закодирован на нескольких уровнях, на каждом новом задании представлял себя совершенно другим человеком и вел себя образом, соответствующим новому сознанию. Память агента после каждого задания стиралась, установить удалось лишь то, о чём я сказал ранее.

— Я в курсе. Это не наш случай. Я тебя спросил: почему Шпарин не поддается гипнозу, а ты рассказываешь мне разные шпионские истории.

— Миазмов симулирует погружение агента в гипноз. Поверьте, я в этом кое-что понимаю. Разрешите попробовать мне.

— Да-а? — удивлённо произнёс полковник. — Что же ты раньше молчал? Ну, давай, пробуй.

Прошло несколько минут. Супонев рыскал по лаборатории в поисках спирта. Экстрасенс выпучив чёрные глаза стоял рядом с полковником. Евпахов стоял напротив Шпарина и делал пассы. Шпарин мечтал о гранате в руке.

— Не получается, — признался Евпахов. — Стена передо мной. Это Миазмов мешает. Как вам не стыдно, Эфир Спиритович?

— Зря я назначил тебя новым начлабом, — недовольно сказал Древака. — Иди с глаз долой.

— Куда идти, позвольте узнать?

— Спать иди!

— Слушаюсь, господин полковник!

Евпахов вытянулся и направился к выходу из лаборатории, двери с кодовым замком.

— Или вы меня кончаете, прямо сейчас, — сказал Шпарин, выбираясь из кресла, — или оставляете в покое. Всё! Больше не могу.

— Кон-чаем... — отрываясь от найденной новой колбы со спиртом, отпрыгнул Супонев. — Прямо сейчас.

— Зачем же так, Михаил Иванович? Кончаем... — сказал полковник, садясь в спец-кресло. — Довольно удобно, если не принимать во внимание некоторые нюансы сидения в нём. Есть ещё один тестик. Повернись ко мне спинкой.

— Супонев!?! — оборачиваясь, крикнул он капитану. — Принеси-ка со стола в кабинете мою папочку. Опять спирт хлещет. Без закуски... Ну, что с ним делать? Миазмов, сними бинты с Михаила Ивановича.

Увидев на животе Шпарина сочащийся кровью свежий надрез, полковник помрачнел.

— Кто это сделал? Новый начлаб?

— Больная сволочь, которую вы недавно отправили на другой свет.

— Терпи, Миша, — сказал Древака, вынимая пачку фотографий из папки. — Терпи. Так, сличаем. Ага-а... Входные отверстия от пуль совпадают... Полностью. Одна дырка прямо-мёхонько под левой лопаткой, две других под правой. У тебя и у трупа. На одном расстоянии друг от друга, в тех же местах. И пупок глубокий. Это ты? — спросил Древака, показывая Шпарину одну из фотографий.

— Я... — ответил поражённый Шпарин. — Только мёртвый.

— Вот, — сказал полковник. — Вот! Самое главное! Так где ты находился целых три месяца после того, как тебя при переходе границы убили конфедераты?

Экстрасенс слегка покашлял и повращал глазами. В голове у Шпарина что-то щёлкнуло. Терять было нечего.

— Уполз обратно к конфедератам. Пришёл в себя и потихоньку уполз. Наткнулся на деревеньку, где одна добрая бабуля выходила. Местная знахарка. Заговоры, отвары всякие, примочки.

— А пули? Пули, кто вытащил? — сверля глазами Шпарина, спросил Супонев.

— Сами вылезли! — отрезал Шпарин. — Кто, кто? Бабулька и достала

— Пусть скажет, почему он попёрся обратно к конфедератам, когда уже находился на своей территории, — настаивал Супонев, заглядывая в пустую колбу. — Не верю я ему. Не верю и всё!

— Интересно, а куда бы попёрся ты, истекая кровью, с тремя дырками в обоих боках? В какую сторону.

— Подобные случаи зафиксированы, — тяжело дыша, подтвердил новый начальник лаборатории, появляясь на пороге лаборатории. — В чрезвычайно... стрессовых ситуациях... отдельные личности... проделывают... невероятные для человека... вещи.

— Какое мнение имеет на этот счёт представитель потусторонних сил? — спросил полковник, обращаясь к экстрасенсу. — Возможно ли, чтобы человек, получив ранения не совместимые с жизнью, прополз несколько километров и остался жив?

— Однозначно согласен. Я знаю историю погромче. В одной психушке случилась драка между страдальцами, с мордобитием и поножовщиной. Так вот, один придурок, получив несколько ударов заточкой, сиганул, чтобы не быть зарезанным до смерти, через трёхметровый забор, перебежал в потоке машин шестирядную магистраль, забрался без всяких приспособлений на фонарный столб, где сидел, поливая кровью прохожих, пока не приехали скорая и пожарная машина с лестницей. А ещё...

Супонев перестал разглядывать колбу.

— А ещё бы послать человечка на ту сторону, наведаться в ту деревеньку и расспросить бабульку о постояльце.

— Переход границы, прикрытие перехода, прикрытие возвращения... — морщась, сказал Древака. — Слишком долго и хлопотно. Евпахов, окажи помощь Михаилу Ивановичу, обезболить рану.

Евпахов сделал укол, быстро и аккуратно обработал порез, и наложил новую повязку. Древака поманил Шпарина к себе.

— Самый последний неоспоримейший тест. Помнишь прощальную баньку перед твоим уходом к конфедератам, с девчонками и прочими нехитрыми развлечениями?

— Помню... — осторожно соврал Шпарин.

— И я помню, — прищурился полковник. — А что у тебя на жопке? На левой половинке?

— Родинки... — растерянно ответил Шпарин. — Три родинки... С самого рождения.

— Три родинки, образующие равнобедренный треугольник, — утвердительно кивнул полковник и повернул Шпарина спиной к особисту.

Больше всех обрадовался Миазмов. Евпахов довольно дружелюбно улыбнулся. Супонев застыл с открытым ртом, но быстро пришёл в себя и попытался всё испортить.

— Треугольник не равнобедренный, — усомнился капитан. — И родинки на правой стороне.

Все четверо наклонились, рассматривая голый зад Шпарина.

— Я, наверно, тогда перепутал, — пробормотал Древака, водя по родинкам указательным пальцем. — В баньке... А в досье местоположение родинок почему-то не указано.

— Сколько времени прошло после баньки, — равнодушно сказал Шпарин. — Поправился на конфедерацских харчах и жопка увеличилась, естественно, и расстояние между родинок изменилось.

Древака выбрался из спецкресла, обнял Шпарина, пожал ему руку и торжественно объявил:

— Проверка закончена! Капитан Шпарин! Департамент Тайных Операций в моем лице, поздравляет вас с возвращением на Родину. Господа, поприветствуем капитана!

Раздались жидкие аплодисменты. Супонев хлопал со всеми, но с такой кислой физиономией, что Шпарину страстно захотелось съесть шоколадную конфету и глотнуть сладкого чая.

Новоиспечённый капитан Департамента Тайных Операций, пока полковник не вспомнил про ещё какие-нибудь приметы у двойника на теле, поспешил одеться.

— Евпахов, ты почему вернулся? Я ведь велел тебе идти спать, — запоздало удивился Древака.

— Господин полковник! Профессор Давкин пропал, вернее его тело. Я перед уходом заглянул в морг. На столе, где лежал профессор — мокрое место. Мистика. Во всем здании кроме нас ни души. Я проверил. Связи тоже нет.

Раздался сильнейший удар сотрясший помещение. Завибрировал и заходил ходуном пол. Погас свет.

— Спокойно, — сказал Древака. — Сейчас включится аварийное освещение. «Умники» на «ХОЛМЕ» включили «машину» на полную мощность.

Глаза у всех во мраке стали светиться. Зелёным, красным, жёлтым, синим.

«Сборище вурдалаков», — подумал Шпарин, пятась от разноцветных глаз. Он потерял равновесие и свалился на пол.

Зажглись тускло-жёлтые аварийные светильники.

— На выход! К лифту!.. — крикнул Древака и бросился к двери с кодовым замком.

Задвигались и покосились стены. Летели стеллажи, падали шкафы, звенело бьющееся стекло. Потолочная плита над дверью, которую пытался открыть полковник, раскололась и

рухнула вниз, накрыв полковника, особиста и нового начлаба. После очередного удара упала ещё одна, рядом, и в разгромленной лаборатории стало тихо.

Шпарин и экстрасенс забрались под металлический стол с тисками. Места под ним оказалось достаточно, чтобы усесться спиной к спине и вытянуть ноги. Шпарин потрогал крышку стола.

— Выдержит? Ты глаза их видел? У тебя были синие. А у меня?

— И у тебя. Как там Москва?

— А?.. — высовывая голову на разведку, переспросил Шпарин.

— Москва, говорю, как? Плохо слышишь?

— Москва? Стоит, наверное, в пробках, — ответил Шпарин, возвращая голову под стол. — Давно не был.

— И я давно.

— Ты из наших... — недоверчиво произнёс Шпарин. — Наконец, до меня дошло. То-то, думаю, обороты речи знакомые, как у шарлатанов в рекламе. Потом книга, даже я не помню дословно написанного. Феноменальные способности. Откуда?

— До этого самого случая работал простым инженером. Работа, дом, семья. Поехал в деревню к родне. Гроза. Молнии! Прошила насквозь, вошла сзади в плечо, вышла из ступни. Очнулся, перед глазами трава, цветочки, жучки ползают. Мужики по старому поверью закопали в землю, до головы. С тех пор почувствовал дар, какую-то силу, не понятную самому. Первым экспериментом стал дворовый петух. Кукарекал громко спозаранку. В один из приездов я высунулся в окно и пожелал ему заткнуться. На время перестали нестись куры... Ушёл с завода, стал лечить людей. Давал представления, гастролировал. Хорошие были времена... Эфир Миазмов — мой сценический псевдоним. В нашем мире меня звали Сергей Николаевич Маралов. Что чернявый и кучерявый — в роду цыгане были.

— Вспомнил!.. — воскликнул Шпарин, выпрямляясь и больно стучаясь головой о крышку стола. — О-ё... Вспомнил, где тебя видел. ДК турбинного завода. Меня туда затащила одна подруга, любительница этих дел. «Эфир Миазмов. Практическая магия, телекинез и другие паранормальные явления». Даже афишу вспомнил.

— А я тебя видел на презентации «Любвных связей» в Доме Книги. Жена купила твой опус, и ты расписался на первой странице. Помнишь нас?

— Нет, было много народа. Как здесь оказался?

— Из-за проклятой рыбалки. Поехали с другом в мою деревню. Проехали пару кварталов и вспомнили о забытых снастях в гараже. Пришлось возвращаться. Вот и не верь после этого приметам.

— Как деревня называется? — быстро спросил Шпарин.

— Тростянка. Большое село. Семьдесят дворов.

— Знаю, — сказал Шпарин. — Тростянка недалеко от Авдеевки. У меня в деревне небольшой домик, отпуск убил на ремонт, памятник старикам поставил... Дед с бабулей жили. Я к ним пацаном на каникулы ездил. Похоронил весной.

— Ехали на моей «Ниве», за рулём приятель. Я после поддачи на дне рождения другого приятеля, дремал на переднем сиденье. Друг меня растолкал. Вижу полосу странного рыжего тумана, необычную разметку, красные, жёлтые, белые полосы. Приятель — бывший автогонщик, любитель давить на «газ», не вписался в поворот, мы слетели в кювет и перевернулись. Вылетел через лобовое стекло, смог даже в горячке встать на ноги, посмотреть на машину. «Нива» в хлам, горит, я потерял сознание и очнулся в госпитале. Прикинулся потерявшим память — ничего не помню, ничего не знаю. Залечил сломанные рёбра, показал способности, меня взяли на работу и теперь живу на Базе...

— А номера? — спросил Шпарин.

— Не поверишь, машина превратилась в ком спёкшегося железа. Я ездил туда ещё раз.

— База, База... — сказал Шпарин. — Странная База. Что у них тут?

— Разведцентр, замаскированный под госпиталь.

— А приятель?

— Сгорел в машине, наверно. Повезло, что жив остался, а может и зря остался. Часто об этом думаю. А ты, твоя жизнь?

— Отца не помню. Армия, военное училище, горячие точки. После ранения уволился, были причины. Поездил по стране: грузчик, верхолаз, таксист, монтажник, техник, мастер... Нигде не осел, вернулся домой. Матушка рано умерла. Друг работает редактором отдела в «Городском Экспрессе». Предложил попробовать себя в журналистике. Получилось. Книги пишу.

Они помолчали, прислушиваясь к тишине.

— Часто такое? — спросил Шпарин.

— Чудес хватает, — грустно ответил экстрасенс.

Шпарин выбрался из-под стола и нагнулся, пытаясь заглянуть под плиту накрывшую полковника.

— Вот это номер, не хуже твоих фокусов. Их тут нет. Пропали, исчезли, растворились. Давай выбирать. Составим уцелевшую мебель и вперёд, наверх, через этот пролом.

— Третий подземный этаж. Наверняка лестница завалена, лифт повреждён, а на поверхности вместо здания куча обломков. Не выбирать.

— Тогда спать. Раскопают. Перед сном поболтаем. Есть у меня вопросы. Но жрать хочется больше, чем спать. Вот ведь как человек устроен, вместо того, чтобы молиться о спасении души, он думает о том, как бы набить брюхо. Может я один такой?

— Не один, — утешил Миазмов. — Но сомневаюсь, что раскопают.

— Не нагнетай. Подвинем пару столов к этому, под которым сидели, там и ляжем. Хорошо бы найти чем укрыться.

Шпарин, кашляя, в воздухе всё ещё стояла густая пыль, обошёл помещение. На другом конце лаборатории сквозь пыльный туман пробивалась узкая полоска света.

— Ба-ба-ба... Тут что-то есть. Иди сюда, — позвал Шпарин. — Дверь. Если бы не катаклизм, я бы её не заметил. «Катаклизм» переводится с греческого как потоп, но мы же не греки.

Шпарин навалился на перекошенную дверь и вместе с ней упал на пол небольшой комнаты.

— Тайная пещера профессора. Меблированная в несколько разобранном виде. Диван, кресло и столик сохранились.

Шпарин открыл дверь лежащего на боку холодильника.

— Поужинать хватит. И выпить есть. Вино. Красное, столовое. Бутылка не разбилась. Видимо, спирт профессор не любил. Консервы и фрукты. Незнакомые фрукты мы кушать не будем.

— Зря, вот этот тёмно-синий хорош. Нечто невообразимое по вкусу, как если к сливе добавить апельсин и горький шоколад. Я пробовал.

— Не будем, не хватало проблем ещё и с желудком.

Шпарин отверг синий плод и достал из холодильника консервные банки.

— А это нам подойдет. «Консервы мясные с рисом». Две банки. «Консервы свиные с горохом». Две банки. И консервы овощные. Производитель «Военно-полевое хозяйство № 17 имени Генерал-Губернатора». На крышках кольца. Открывай. По одной. Остальное растянем, если про нас забудут.

Шпарин разбросал деревянные панели и извлёк из кучи битой посуды две вилки.

— Тарелки и бокалы разбиты. Вино будем употреблять из горлышка. Хорошо бы лапки помыть и личико сполоснуть.

Шпарин подошёл к умывальнику и покрутил вентили.

— Вода есть, стекает с верхних этажей, не все трубы полопались.

Шпарин разделся по пояс, потрогал живот, поморщился и протянул руки к тонкой струйке воды. Экстрасенс изучал спину Шпарина.

— Эти ранения...

— Одна из командировок в одну горную республику. Не люблю вспоминать.

— Извини.

— Двойник!.. — с тихой яростью произнёс Шпарин, сдёргивая полотенце с крючка над раковиной умывальника. — На фото — вылитый я! Совершенно невероятные совпадения вплоть до ранений и родинок.

— Мы классические попаданцы. В параллельном мире или в другом измерении, это ещё вопрос, где мы очутились, наши домашние пытливые исследователи непознанного вполне допускают существование двойников.

— Хочешь сказать, что где-то рядом болтается твой двойник?

— Может и не рядом, но скорее всего он есть. Хотелось бы с ним встретиться.

Шпарин взял бутылку вина и надавил вилкой на пробку, пытаясь протолкнуть её внутрь.

— Увидеться с женой, со своей, согласно теории о двойниках, посмотреть на своих детишек, сделанных двойником.

Миазмов бросил полотенце на диван, уселся в кресло и, осмысливая услышанное, заморгал.

— Так что в твоей теории изъян, дорогой ты наш колдун в тридесятом колене. Такой вот морально-этический временной конфликт. Но разрешимый. Можно убить двойника без всякой жалости. Они тут чокнутые, мочат всех подряд и ничего за это им не бывает, и тебе не будет. А можно жить всем вместе и давать представление: «Молочные Братья-Близнецы в паранормальном шоу».

— Сам ты ненормальный! — обиделся экстрасенс.

— Покажи фокус. Покажи, как это делаешь, вытащи пробку. После того, как ты развалил шкафчик, тебе это раз плюнуть. Может и остальное твоя работа?

— Не буду. У меня стрессовое состояние.

— У всех стрессовое.

Шпарин поднатужился, борясь с пробкой. Пробка подалась, но к его удивлению поднялась вверх и выскочила из бутылки.

— Передумал, — хихикнул экстрасенс. — У меня лучше получается, когда я злюсь, и вообще мои способности после переселения увеличились во много раз.

— Я запомню. Пробуй.

— Сначала ты.

Шпарин сделал несколько глотков.

— Хорошее вино.

— Хорошее, — пробуя, согласился экстрасенс и, употребив треть бутылки, прикрыл глаза.

— Ты, я вижу, опять того, на старые дрожжи. Я раньше и не подозревал, что колдуны лакают спиртное как обычные люди, — сказал Шпарин. — Жаль, хлебушка нет.

— Пищеварение не враг народного общения, — вдруг выдал захмелевший экстрасенс, вонзая вилку в банку с овощами. — Удивительный мы народ, русские люди, стрессоустойчивый. В любой непростой ситуации находим выход и не сдаёмся.

— То-то ты его нашёл. За ужин скажем спасибо пропавшему трупу профессора, хоть он меня чуть не замучил. Куда они подевались, Древака и сопровождающие его лица?

— Не волнуйся, ты опять их увидишь, полковника и всю камарилью. Но всё будет выглядеть несколько иначе. Может и меня увидишь, не удивляйся, если я тебя не узнаю. Ничему не удивляйся, для тебя же будет лучше.

— Реинкарнация, что ли? Как всё запутано. Расскажи ещё какую-нибудь сказку про это замечательное место, где мы так приятно проводим время, и пока ты ещё что-то соображаешь.

— Я в любом состоянии соображаю. А пью от тоски, незаслуженных страданий и безысходности. Твой оптимизм поражает. Помучаешься с моё, тоже запьёшь.

— Не собираюсь здесь оставаться.

— Останешься. Выхода нет. Не вижу.

— Если мы заблудились в тёмной комнате и потеряли входную дверь, нужно понять, где её искать. Можно наощупь, что очень долго, а можно попросить включить свет. Сразу нам его не включают, но если очень настойчиво попросить, свет мы, думаю, увидим.

— Ты разбередил мои душевные раны, — проворчал Миазмов. — Но есть проблемка, такая маленькая проблемка, что, если тёмная комната не комната, а лабиринт, где будешь ползать, пока не протянешь ноги.

— Выход из лабиринта виден сверху.

— Туда ещё надо забраться, на этот верх. Пропуск у тебя есть?

— Пропуск мой новый статус. Я капитан Вооружённых Сил Соединённого Губернаторства. Департамент Тайных Операций. Элита. Давай, делись информацией. Ты здесь достаточно давно, чтобы понять суть происходящего.

— Я знаю, что ты хочешь услышать. Кто в доме хозяин, кто заправляет этим сумасшествием? Что это за «Холм» на горе, постоянно всплывающий в разговорах, при упоминании которого Древака со своими подданными матерятся и морщатся, как при геморрое.

— В самую точку. Ну и...

— Моя версия такая: «Холм» — некий Научный Центр, он где-то тут, недалеко. Я даже расшифровал аббревиатуру, не берусь утверждать на все сто, но в моём переводе это звучит как «Хроно-оптический линейный модулятор». Прорываются в другое время... Это факт. Как они это делают, какие технологии задействованы, не понимаю. Судя по постоянным сбоям и частым авариям технологии совершенно сырые. Определённо сырые, но работают.

— Пресловутая машина времени? Плохо верится.

— Но ты здесь?

— Вообще-то здесь, — неохотно согласился Шпарин и посмотрел через проём двери во тьму разгромленной лаборатории.

— А мне по большому счёту и тут хорошо, — сказал экстрасенс.

— Кормят, поят, тепло, светло и мухи не жужжат. Иногда, правда, что-то стучит по башке, глазёнки вылазят на пузо, но это детали. Зато никто не запрещает жрать водяру. А среднерусская действительность, щемящая причастность к бескрайним родными просторам, полям и лесам? Сдался?

— Лесов тут тоже хватает. И как бы самых ни на есть среднерусских, — насмешливо сказал экстрасенс. — И все говорят по-русски, и имена наши. Подобный Мир.

— Подобный Мир... — повторил Шпарин, вспоминая фантазмагорическое зрелище над лесом. — Нелепицы, нестыковки и нескладушки. Два кабинета, два сейфа, два особиста. Две жёлтые папки. В одном кабинете он её достаёт, в другом бросает в сейф. Я схожу с ума?

Экстрасенс с жалостью посмотрел на Шпарина, поднял руки и быстро, сближая, подвигал.

— До сих пор не понял? Фрагментарно меняется реальность. Что-то у них на этом «Холме» идёт не так. Вот тут особист укладывает папку в сейф, а вот тут достаёт... Сложение-наложение и необъяснимые, невообразимые сопутствующие явления и эффекты.

— Можно сколько угодно упражняться в создании околонуучных теорий, но мы и на шаг не приблизимся к разгадке, — сказал Шпарин. — А этот... рыжий туман?

— При изменении частот несущего сигнала на «Холме», думается мне, воздушная среда меняет цвет.

— Скажи честно, как ты это делаешь? Помнится, в ДК турбинного завода на такие трюки ты способен не был. Передвинуть стакан с водой, отыскать в зале с помощью подсадного какой-нибудь предмет, распилить женщину в ящике, это я понимаю. Но битьё стёкол и сдёргивание штанов — высший класс. Как?

Аварийные светильники, помигав, погасли. Далее события, о которых Шпарин вспоминал только с использованием нехороших слов, приобрели совершенно невероятный характер даже в контексте виденного за день. Звуки бьющегося стекла, лопнувших гитарных струн, стук в ушах, визг, засветились стены комнаты, завибрировали, заволновались, скривились, воздух зашипел и, вскипая, пошёл слоями. Фигура Миазмова обозначилась оранжевым цветом, вспыхнула и стала прозрачной.

— Готовься к новым чудесам и потрясениям... — пробормотал экстрасенс, теряя очертания. Его тело дрогнуло, поблекло и исчезло.

— Фильм ужасов, — с тоской сказал Шпарин. — Кончайте дуристь, гады!

«Решили меня растворить, как кусок рафинада. Разложат на атомы и поминай как звали. Никто и не вспомнит... Кроме, пожалуй, Светки, Маринки, Светланы Андреевны. Ну Милка Звирник. Может Татьяна вспомнит, Бушина, целый год любовь крутили. Чуть не женился. Или из последних подруг... Анна из турагентства. А из мужиков кто? Кому денег одолжил — обрадуются. А из настоящих? Кое-кто вспомнит... Эх, завещание не написал. Нужно было в детский дом какой всё завещать...».

Неиспытанная раньше боль раздирала тело, каждая клеточка молила о пощаде, просила не дать потерять себя, не соскользнуть с той грани, где ломается, стирается и выворачивается представление о бытие. Мутные оранжевые волны заполнили помещение светящимся туманом. Туман сожрал окружающие предметы, разверзлась бездна, сознание Шпарина растеклось густой сверкающей жижей, померцало, померцало, разлетелось брызгами и медленно потухло.

Глава 3. Побег.

Шпарин очнулся в белой комнате, голый, свежий, чистый, как младенец.

«Ничего не хочу вспоминать, ни о чём не буду думать, ничего не хочу знать, ничему не буду удивляться. Буду плыть по течению. Гребок, переворот на спину, отдых, гребок, переворот на пузо. Куда-нибудь приплывём...».

— Давление в норме, пульс в норме, сердце в норме. Практически здоров. С возвращением, капитан!

— Закройте окно! Сквозит! — раздражённо сказал Шпарин двум мужчинам в длинных белых халатах у кровати и натянул одеяло на подбородок.

Распахнулась дверь. Держа на вытянутых руках белый поднос, в палату вошла медсестра в розовом халатике и розовой шапочке.

— Завтрак господина капитана, — сообщила длинноногая медсестра чарующим голосом.

— До свидания, капитан. Мы удаляемся. Ровно в двенадцать полковник Древака ждёт вас в штабе, — сказал один из мужчин. — А вы, Екатерина Игоревна, одевайтесь бы поскромнее. Из-за вас весь госпиталь на ушах стоит.

— Пусть стоит, ничего с ним не сделается, — скосив тёмно-синие глаза на Шпарина, сдержала девушка.

Дверь за мужчинами захлопнулась. Медсестра поставила поднос на прикроватную тумбочку, наклонилась и подняла полотенце, упавшее со спинки кровати. Низ халатика поднялся. Шпарин увидел то, что было под халатом, поймал взгляд медсестры и перевернулся на живот.

Девушка расстегнула халат и открыла стенную нишу.

— Вот ваша форма, бельё, повернитесь и посмотрите, господин капитан.

Синеглазая медсестра достала из карманчика ключ, заперла дверь и, раскачиваясь как модель на подиуме, пошла к Шпарину.

— Лежать! — приказала девушка, заметив попытку Шпарина привстать на кровати.

Медсестра сбросила халат, шапочку и распустила узел блестящих чёрных волос. Шпарин никогда не видел воочию, как прыгает пантера на жертву, но, кажется, девушка проделала именно это. Несколько минут дикой скачки и несдерживаемых воплей. Задёргалась ручка двери.

— Катя, у тебя всё в порядке? — послышался возмущённый мужской голос. — Катя!? Капитан!..

— Я в душе! — отозвался Шпарин, сжимая талию медсестры. — Безобразие, горячая вода — кипятилок!.. Ошпарился!

— Не хочется, но надо, — выскальзывая из объятий Шпарина, прошептала девушка. — Если не выйду, начнётся переполох. Заканчиваю ровно в пять. Встреть меня. Если не сможешь, мой домик номер шестнадцать на Виноградской. Три года не так много, чтобы забыть. До встречи, милый.

Девушка быстро оделась и выбежала из палаты. Шпарин ожесточённо поскрёб пальцами лицо и волосы.

«Три года... Милый... Теория о двойниках в действии».

Шпарин пощупал живот и, не увидев раны, недоверчиво хмыкнул, съел кашку из маленькой тарелочки на подносе, схватил булочку с маслом и сыром, проглотил в два укуса, выпил кофе из белой чашки и голяком пошёл к окну.

Над лесом в небо поднимался плотный столб дыма. В центре плаца находились два вертолёта, возле которых стояла группа военных. Офицеры забрались в вертолёт поменьше, лопасти начали движение, превратились в бликующий круг, воздушная машина медленно поднялась и взяла курс на столб дыма над лесом.

«Ночка прошла весело, утро началось очень неожиданно, денёк, кажется, будет не хуже. Осталось примерить новую одежду и можно на сцену».

Форма сидела, как влитая. Жёлтые кожаные ботинки по ноге. Шпарин похлопал ладонями по мундиру и достал из кармана красное удостоверение со скрещёнными мечами.

«У нас с ним одно лицо, но у «дубликата» глаза наглые. Наглухие, просто хамские».

Шпарин затянул потуже ремень с пустой кобурой, потрогал овальный золотистый знак с медвежьей мордой на груди, провёл пальцем по орденской планке из четырёх квадратиков, поправил берет, повернулся через левое плечо и выскочил из палаты.

В коридоре новый сюрприз. Очкастый лейтенант медицинской службы Евпахов, поменяв чёрный халат на белый, с висящим на шее фонендоскопом, беседуя с лысым и очень худым врачом, неторопливо шествовал навстречу.

— Капитан... — останавливаясь, вежливо кивнул лысый врач. — Я доктор Лихоркин. Хотелось бы переговорить с вами касательно нашей знакомой, с которой вы провели непозволительно долгое время наедине. Видите ли, капитан, я питаю чувства к упомянутой особе и, надеюсь, она тоже. И я не понимаю, как она оказалась не на своём этаже, в вашей палате, и чем вы там могли заниматься, как я уже упомянул, так долго?

— О чувствах и непозволительно долгом времени наедине вам расскажет сама Катя! Если захочет! — отодвигая доктора Лихоркина, сказал Шпарин. — А мне хотелось бы узнать о самочувствии вашего коллеги. Не сказалось ли лежание под потолочной плитой на его здоровье?

— Простите, не имею чести знать. Вы кто? — испуганно отреагировал Евпахов и, увлекая за собой доктора Лихоркина, побежал по коридору.

— Витязь без пальто! — рявкнул Шпарин. — Быстро по рабочим местам, пока я вас не порвал, как... Как одна собака резиновое приспособление для согревания тела в холодное время.

Врачи торопливо скрылись в ближайшей палате.

— Дуэль! Категорически заявляю! — приоткрывая дверь, пропищал доктор Лихоркин. — Вечером, после работы.

— Непременно, — сказал Шпарин, проходя мимо. — На скальпелях.

База встретила летящим тополиным пухом и казалась вымершей.

«Театр абсурда. Вчера август, сегодня июнь. А память стала подводить, собаку ту звали Тузиком».

Помахивая грязным ведром, из боковой двери офицерской столовой вышел толстяк в забрызганном кровью переднике, белом поварском колпаке, белых штанах и куртке.

— Жучка, Дуська, Машка, Дамка!.. — позвал толстяк и, сунув два пальца в рот, оглушительно свистнул. На зов примчалась поименованная свора собак и, усердно виляя хвостами, уселась полукругом у ног кормильца.

— Профессор Давкин собственной персоной. Ещё один оживший мертвец, — громко сказал Шпарин, подходя к толстяку.

— Да как вы такое говорите, господин капитан?

— Переквалифицировался в работники кухни, перешёл с обезьян на ближайших друзей человека. Чем кормим? Хвостами гамадрилов?

Шпарин схватил толстяка за руку. Толстяк уронил ведро, вырвался и спрятался в столовой.

Шпарин саданул ногой по запертой двери и быстрым шагом направился к плацу.

«Второй вертолёт! Куда угодно, лишь бы убраться с Базы. Там посмотрим...».

У тяжёлой машины, понуро опустившей лопасти, у штабеля зелёных ящиков, в чёрной кожаной форме с сине-золотыми погонами стояли три офицера. Пилоты переговаривались и поглядывали на часы.

— Полётное задание? — спросил Шпарин, показывая лётчикам удостоверение.

— Лейтенант Дрёмов. Погрузимся и в Боровск, — ответил один из пилотов, отдавая честь. — Из комиссии?

— Нет, — ответил Шпарин, пряча удостоверение в карман. — Отпуск.

Лейтенант улыбнулся.

— А-а!.. Отпуск дело хорошее. Давай поживее!.. — крикнул лётчик солдатам, переносимым в вертолёт ящики из штабеля. — Из Боровска улетите быстро. Из Боровска каждый час идёт борт на Губернаторск. А если к вам попадёшь, бывало и по двое суток сидели. Поганые места. Как ни прилетишь — всегда что-нибудь происходит.

— Это точно, — сказал Шпарин, поглядывая в небо. Левая нога начала выбивать дробь по бетону.

«Иду в разнос. Не хватало появиться Древаке и конец путешествию».

База медленно уходила из-под ног. Шпарин выдернул наушники из зажима над откидным сиденьем, надел и прислонил нос к иллюминатору, рассматривая ленточки дорог внизу.

«Никаких запросов, никаких переговоров с наземными службами. На Базе их может и нет, но в этом... Боровске, они обязаны быть, он рядом. Полное радиомолчание. Флуктуация, кавитация, турбуленция. Хотя кавитация не из этой оперы... Возможно, тот перекрёсток с указателем путь домой. Когда-нибудь я доберусь до него...».

Дым от пожара уже не поднимался вверх, потерял силу и стелился понизу. Появился комплекс, окружённый антенными полями, — ряды гигантских овальных зеркал и проволочных катушек на треногах уходили за горизонт. Прямоугольники пожарных машин под зеркалами казались букашками. В антенных полях к небу стремились белые башни. В центре круга из высотных башен пульсировал стекловидный прозрачный кокон. Внутри кокона бесновалась оранжевая масса, кипела и набрасывалась на стенки. Верх одной из башен развален. Из пролома выглядывал кусок раскалённой спирали и сыпал жёлтыми искрами.

Шпарин опустил голову, под невесёлые мысли незаметно задремал и очнулся, когда вертолёт дёрнулся, провалился вниз, начал делать разворот и пошёл на снижение. Шпарин заглянул в иллюминатор. Мимо, параллельным курсом, навстречу, проскочил вертолёт с таким же бортовым номером.

— «Проклятье! — слышался в наушниках голос лейтенанта. — Едва не столкнулись! Над этими гиблыми местами может случиться самое невероятное. Можно увидеть свою прабабушку, сидящую на облаке или, что ещё хуже, самих себя, летящих рядом. Возвращаемся, хочу сделать доброе дело».

— Капитан... — сказал пилот, открывая дверь. — Хочу вам кое-что сказать... Никто не знает сколько у него жизней. Сегодня показалось — у меня последняя, а у вас теперь есть кое-что в запасе. Понимаете, о чем я? Надеюсь, вы выпутаетесь.

Шпарин поднял голову и, обхватив затылок руками, наблюдал за вертолётном, пока тот не превратился в маленькую стрекозу. Навстречу этой стрекозе неслась другая, несколько секунд, и они слились, превратились в пылающий ком и растворились в пожелтевшем небе.

Он пересёк плац и замедлил шаги. Навстречу, огибая штаб, шла Катя, распущенные волосы, белая блузка, белые брюки.

— Привет! — сказал Шпарин синеглазой девушке.

— Здравствуйте, молодой человек! Мы встречались?

У Шпарина вытянулось лицо. Катя улыбнулась, чмокнула в щёку и подхватила под руку.

Девушка привела Шпарина в квартал однотипных одноэтажных домиков утопающих в деревьях. Прямые улочки, невысокие заборчики, кое-где цветы во двориках у домов. Они прошли по «Виноградной» и остановились у дома номер шестнадцать. Девушка открыла калитку и вошла в палисадник.

— Не забыл?

В прихожей Катя бросилась ему на грудь и, обнимая, впиалась в губы.

— Соскучился? Я так тебя ждала, — прерывисто дыша, сказала девушка и спросила, заглядывая в глаза:

— Помнишь Красносельск, наши шесть дней в той пустой гостинице? Повторим? У меня двухнедельный отпуск, потом снова командировка.

Шпарин снял руки девушки с плеч.

— Помню. Конечно, помню. Поел бы чего-нибудь. А куда командировка?

— Ты изменился, Шпарин! У тебя всегда на уме сначала была любовь, а уж потом вопросы. Сдаешь? Иди в душ, потом я. Легкий ужин и постель до утра, как в старые времена. Халат можешь взять мой, тебе подойдет, ты похудел, похоже, заграничные девки выжали из тебя все соки. Но я тебя быстро восстановлю, понял?!

«Что-то тут не так, — соображал Шпарин под тугими струями воды. — То она говорила про три года, теперь выплывает какая-то гостиница, командировка. И ещё резвее стала. Притворилась в госпитале? Кто их, женщин, поймёт».

Шпарин обернул вокруг пояса полотенце и вышел из ванной комнаты. Катя в белом лифчике и белых трусиках накрывала стол. Ветчина, колбаса, нарезанный батон, ваза с виноградом и яблоками. Бутылка вина и два узких бокала.

— Пять минут и я твоя, — сказала девушка и скрылась в ванной.

Шпарин схватил с тарелки кусок ветчины и, не прожевав, проглотил. Сунул в рот другой кусок и принялся за обыск.

Первым делом он повывёргивал ящики комода. Бегло осмотрел и задвинул, порылся в ящиках серванта, открыл дверь спальни, полистал записную книжку, найденную в тумбочке, постоял у кровати, застеленной розовым покрывалом с чёрной пантерой, и, повинаясь внезапному импульсу, поднял одну из подушек. В изголовье кровати лежал пистолет.

Он вернул подушку на место, прошёл к гардеробному шкафу и откатил зеркальную дверь. Между платьев на плечиках висела военная форма с лейтенантскими погонами.

Шпарин проверил карманы мундира и, нащупав что-то в верхнем левом, вытянул красный прямоугольник со скрещёнными мечами. Махнул рукой и удостоверение развернулось на две половинки.

«Департамент Тайных Операций. Инеева Татьяна Игоревна. Лейтенант. Специальный агент».

Шпарин вернулся в большую комнату и уселся в кресло. Машинально взял кусочек колбасы и незаметно опустошил тарелку.

«Они не сёстры. Невероятно похожи, но не сёстры. Обе спали с двойником. Одна давно, любила и ждала три года, другая не ждала и делала это, когда случалось встретиться. Татьяна Игоревна работала с «дубликатом» за кордоном. Я влип по самую макушку».

Вода перестала шуметь. Из ванной комнаты, блестя капельками воды на коже, вышла нагая девушка, поднесла палец ко рту: «Шш... Ни слова» и, обняв Шпарина за талию, увлекла в спальню.

Солнечное утро, щебетанье птиц, запах жасмина из открытого окна и записка на тумбочке у кровати: «Меня выдернули в Губернаторск. Завтрак на столе. Приедешь домой, позвони. До встречи. Таня».

— Ещё бы узнать, где я живу... — пробормотал Шпарин, открывая тумбочку. — Так, на букву «м»... На страничке только один Миша. «Синельникова, 24-9». Телефон... Это, наверное, я и есть».

Окраина жилого квартала, узкая бетонная дорога, бетонная стена, лай собак за серой стеной. Шпарин, поглядывая вверх, брёл вдоль стены и думал, как выбраться с Базы, минуя КПП.

— Михал Иванович! — услышал он знакомый голос. — Миша, не проходите мимо.

Во дворике ближайшего дома у грубо сколоченного стола и двух кривых табуретов стоял Миазмов в форме без погон и махал ему рукой.

— А вот и Сергей Николаевич Маралов! — сказал Шпарин, вспомнив настоящее имя экстрасенса. — Здравствуйте! Рад лицезреть вас живьём, а не в виде прозрачной субстанции. Где борода?

— Просыпаюсь — хватать за бороду, а её и нет, — простодушно ответил экстрасенс. — Так, лёгкая небритость. У тебя, я наблюдаю, изменения в лучшую сторону. Рад, что жив и здоров, в полной памяти и уме.

Сергей Николаевич засуетился.

— Присаживайся. Вот водочка, закусочка, вот стаканчик. Какой-то ты бледный. Что случилось? Выкладывай, здесь у тебя один друг, это я.

Прежде чем сесть Шпарин попробовал табуретку на устойчивость.

— Сам делал?

— Присаживайся, проверено. До тебя на ней восседал Древака. Он частенько по округе ходит. Осматривает вверенную территорию. Но ко мне в первый раз. О тебе задавал вопросы, это насторожило. Но, в общем, ничего страшного.

— Что может быть общего у капитана Шпарина с экстрасенсом-алкоголиком? А с другой стороны: почему бы мне и не зайти, просто так?

— Ты прав. Он интересовался, почему мы так часто встречаемся, о чём беседуем. Я сказал, что я голубой, и ты ко мне подкатываешь.

— Мы часто встречаемся? — удивился Шпарин. — Не припомню частых встреч.

— Часто, — уверил Сергей Николаевич. — Часто. Чуть не каждый день, весь последний месяц. Иногда, правда, ты куда-то пропадаешь и не говоришь где был. Последний раз заявился с огнестрельным ранением левого плеча. Касательным... Ну-ка, покажи плечо!

— На, смотри, — сказал Шпарин, расстёгнул мундир и оголил плечо.

— Ничего нет... — удивлённо пробормотал Сергей Николаевич. — А было! Точно говорю: они меняют реальность! Куда мы тогда пропадем? Ты сам догадываешься, но боишься поверить.

Сергей Николаевич ухмыльнулся и произнёс баритоном полковника:

— Шпарин? Никогда не поверю, что он голубой. У него неистребимая тяга к женщинам, он и помрёт, наверно, занимаясь любимым делом.

— Ты талант, дружище! Лестно, конечно, но немного не про меня.

— Про тебя, Миша, про тебя. Кушай, кушай, вот колбаска, вот огурчики, помидорчики из моего огорода.

— Хорошо устроился, огород, понимаешь, собственный дом.

— Ну не собственный, но жить можно, а огород от нечего делать. У них тут в пределах этого «заповедника» круглый год лето. Но и зима есть, подальше, на других территориях. Приезжают иногда офицеры в теплых куртках. По ним и узнаю о смене времени года.

Шпарин рассказал Сергею Николаевичу о вертолёте-двойнике, профессоре-поваре, Евпахове, сменившем чёрных халат на белый и двух одинаковых девушках с разными именами.

— Представляешь, Николаич? Совершенно одинаковые, фигуры, голоса, глаза... Всё!

— Близняшки.

— Нет, не близняшки, — сказал Шпарин. — Похожи как две капли, но они не сестры.

— И ты воспользовался. Ая-яй, Миша!

— А что было делать, играть с ними в шахматы? Ты бы не воспользовался?

— Мы все похожи на кукол, которых переставляют с места на место, — вздохнул Сергей Николаевич, — чужие жизни листаются, как книги, вырываются страницы и вклеиваются в жизни других людей. Вот так, Миша.

Шпарин кивнул на бетонную стену.

— Перемахнуть не пробовал через забор?

— Смеёшься? За этим ещё два. Видишь стержни с болвашками? Птица не пролетит. Стоит появиться голубю или вороне, сразу начинает дрожать воздух, вырастает стена невидимого пламени, и птичка сгорает, не долетев до земли. Достает даже ласточек, а они летают иногда очень высоко.

Шпарин схватил стакан, вышел на дорогу, размахнулся и бросил стакан через бетонную стену. Низкий гул, вспышка, и стакан разлетелся в пыль.

— Посудой разбрасываться не нужно, кинул бы лучше помидор, — рассудительно заметил Сергей Николаевич.

Через несколько минут на дороге идущей вдоль бетонной стены появился зелёный джип. Автомобиль остановился, из машины выскочил лейтенант и рванул калитку.

— Начальник караула лейтенант Осинкин, — заскакывая во дворик, представился вошедший. — Сработала сигнализация, нарушение охраняемого периметра Базы.

— Птичка, — сказал Шпарин.

— Никак нет, господин капитан. На мониторах наблюдался блестящий предмет, — лейтенант осмотрел стол. — А-а!.. Господин Миазмов изволили пошалить. Как выпьют, начинают швырять закуску через систему обнаружения. Не первый раз. Будем писать рапорт и запись приложим. Хватит нас дёргать по пустякам.

— К нам идёт полковник! Офицеры, смирно! — вскакивая, воскликнул Шпарин и поднёс к берету прямую ладонь, отдавая честь.

Лейтенант повернул голову. Шпарин обнял начальника караула за шею, сдавил, и обмякшее тело упало на траву.

— Вот машина, пока хватятся, пока сообразят, что к чему, будем далеко. Решайся! Ну!

— Эх!.. — крикнул Сергей Николаевич. — С тобой!

Лейтенанта отнесли в дом, замотали рот полотенцем и привязали к стулу.

КПП, серые ворота с ромбом и змеей на бокале, часовой на вышке. Шпарин посигналил. Дверь КПП распахнулась, солдатик в жёлтых ботинках подбежал к машине и заглянул в окно.

— Пропуск!

— А это тебе, Бобков, не пропуск? — спросил Шпарин, показывая красное удостоверение.

— Я вас не знаю. Пропуск на выезд! — упёрся солдатик.

Из домика вышел сержант, подошёл к автомобилю и, увидев Шпарина, хлопнул солдатика по затылку.

— Открывай, Бобков!

— И тебе спасибо, сержант Додоня! — сказал Шпарин, включая передачу.

Ворота раздвинулись, и серая бетонка бросилась под капот джипа.

— За нами хвост! Забыл о камерах, когда душил лейтенанта! — сердито сказал Сергей Николаевич.

— Вижу!

Пятнистый джип, мигая фарами, нагонял машину. Шпарин увеличил скорость, джип пошёл на обгон, стекло двери поехало вниз, и они увидели в окне автомобиля особиста с пистолетом в руке. Супонев целился в колесо машины.

— Держись, волшебник!.. — крикнул Шпарин, выкручивая руль.

Зелёный джип с беглецами ударил пятнистый джип в переднее крыло, скрежет металла, второй удар в водительскую дверь, машина с особистом улетела в кювет, перевернулась и, бешено вращая колёсами, поехала на крыше по зелёной траве.

— Быстро они спохватились!

— Уже жалею, что сбежал с тобой, — оглядываясь, нервно сказал Сергей Николаевич.
— Авантюра всё это!

— Доберёмся до большого города и затеряемся среди населения. Хорошо было бы попасть в столицу, до Губернаторска сто вёрст с небольшим, он на юге, «стрелка» на указателе показывала на юг.

— Перекроют все дороги, — сказал Сергей Николаевич.

— Кроме просёлочных, на это у них людей не хватит.

— Сворачивай в лес!

Зелёный джип съехал на первую же грунтовку и, переваливаясь на ухабах, разбрызгивая лужи, поехал в сумерках деревьев. Шпарин остановил машину, вылез и, выглядывая солнце в облаках, дотронулся до ствола сосны, обтянутого серым, наощупь липким мхом, и наклонился к муравейнику.

— Пологий склон с южной стороны, — сказал Шпарин и махнул рукой. — Юг там.

До темноты зелёный джип блуждал по полям и просёлкам, объезжая деревни и небольшие городки. Ночью на лесной дороге из-за поворота вылетел колесный трактор, врезался им в лоб, отбросил в кусты и, не останавливаясь, скрылся в темноте. Фары джипа погасли, мотор заглох и из-под капота повалил белый дым.

— Вот же пидо... — выругался Сергей Николаевич. — Пьяный, наверно.

— Приехали, — сказал Шпарин, сделав несколько попыток завести двигатель.

— Ну и куда теперь? — устало спросил Сергей Николаевич.

— Трактор наводит на мысль о близости деревни. Она где-то рядом. Вылезай.

Через пару километров лесная дорога привела беглецов на поляну. В низких облаках образовалась прореха, осторожно выглянул серп голубой луны и осветил стог сена.

— Вон стог, сделаем норки, переночуем, утром определимся. Ты храпишь?

Не спалось. В стогу храпел Сергей Николаевич, облака ушли, гудел ночной лес, и Шпарин до утра, пока не забрезжило на востоке, разглядывал звёздное небо.

«Большая Медведица, вот она... Вот, кажется, Вега... И Сириус на месте... Где же я, мать вашу, нахожусь...».

С рассветом вновь принеслись облака, сыпанул мелкий дождик, Шпарин натянул берет на уши и полез в нору.

Сергей Николаевич выполз из стога и зевнул.

— Господин капитан, вставайте, солнце в зените! Подъём!.. — крикнул экстрасенс, заглядывая в пещерку, куда ночью заполз Шпарин.

— Миша!.. Михал Иваныч, отзовись! Неужели бросил?..

На краю поляны затрещали ветки и колыхнулась верхушка высокого дуба.

— Вот ты где! Большой обезьян в форме. Смотри не рухни, с дуба-то.

Шпарин, не решаясь разжать ладони, завис на нижнем суку.

— Не ори. Иди сюда, я на тебя прыгну.

— Совсем ты, Миша, обнаглел, — обиделся Сергей Николаевич, — прыгать на старого человека, лучше сенца подстелить.

— У тебя нет выбора, упаду, прикушу язык, не узнаешь, что я видел.

— Ладно, прыгай, ловлю.

Маралов расставил руки и оба покатались по траве.

— И как ты туда забрался? — удивился Сергей Николаевич, измеряя взглядом расстояние от земли до первых ветвей.

— Детство вспомнил. Там, наверху, хорошо. Птички поют и никаких уродов рядом. К присутствующим не относится. Встаём, приключения продолжаются.

— Не томи, Михал Иваныч!

— Мы на холме. Не бойся, на другом. Километрах в двух лес кончается, там деревня. На западе небольшой городишко. На юге, в таинственной мгле, огромный город, скорее всего Губернаторск. В деревню не пойдём, нечего светиться, лишние вопросы ни к чему. Так что нам туда, в ихнюю столицу.

— «Ихнюю»? Словечко употребляете, Михал Иванович, несуразное, не литературное, стыдно.

— Зато точное. Что ты к нему прицепился?

— Не прицепился, — отряхиваясь, проворчал Сергей Николаевич. — После ночёвки в сене похожи на огородных пугал и ближайшее будущее в беспросветном тумане, в таинственной мгле. Есть хочу!

— И я хочу. Так и быть, заглянем в деревню, добрые селяне сжалятся и накормят двух измученных военных, но пока туда доберёмся, перемажемся как свиньи. Под утро прошёл дождь.

— Что забыли эти грязные небритые военные в лесу?

— Военные ловят дезертиров или у них танк сломался.

Шпарин обернулся на тяжёлый, рыкающий звук за спиной. На поляну, ломая молодой дубняк, лязгая гусеницами, с повернутой назад башней, выполз танк в камуфляже.

— Вот, кстати, и он. Это попутка до ближайшего населённого пункта. Осталось выяснить, зачем он здесь.

Танк остановился. Открылся башенный люк, из башни, один за другим, вылезли три танкиста в тёмно-коричневых комбинезонах и попрыгали вниз. Два танкиста, разминаясь, принялись ходить вокруг танка, третий, коротышка с лейтенантскими погонами, сорвал шлем и бегом направился к ним.

— Таких случайных совпадений не бывает! — запсиховал Сергей Николаевич. — Это погоня! Они послали за нами танки.

— Теперь наша жизнь состоит из сплошных совпадений и событий не поддающихся формальной логике. Не мною доказано — случай приходит на помощь тому, кто его ищет. Скажи спасибо, что это не «тигр» с немцами из одна тысяча девятьсот сорок какого-нибудь года.

Немного не добежав до них, танкист споткнулся о кочку и упал.

— Вот чего не надо никогда делать — спешить. Это верно подмечено нашими мудрыми предками. Спешка приводит к нежелательным последствиям, на лице...

Танкист уселся на траву и, морщась, пощупал колено.

— ... и других частях тела, — договорил Шпарин, протягивая лейтенанту руку.

— Капитан! Спасибо! Вы первые люди за трое суток, — поднимаясь и припадая на левую ногу, простонал танкист. — Невероятная история!

— Сильно расшиблись? — участливо спросил Шпарин. — Давненько вас ожидаем. Представьтесь.

— Лейтенант Федотов. Командир четвёртого взвода. Четвёртая рота, второй батальон, пятая танковая бригада, — зачастил лейтенант. — Совершенно невероятная история! Шли на ночные стрельбы в колонне. Я замыкающим. Вдруг туман, всё завертелось, думали перевернёмся, и мы в чаще, мы в дебрях, трое суток, связь отрубилась, навигация не работает, чуть не угодили в болото...

— Туман рыжий был, густой?

— Да-а... — удивлённо протянул лейтенант. — А откуда вы знаете?

Шпарин достал из кармана красное удостоверение со скрещёнными мечами и, не раскрывая, помахал им у носа танкиста.

— Капитан Пургахосов. Комиссия Генерального Штаба. А этот господин в форме без погон — Сюбаритобов, наблюдатель из Департамента Закрытых Исследований. Позвольте вашу карту.

Лейтенант полез в планшет.

— Вот. Наш полигон.

— Теперь вы здесь. Деревня Будиловка, — тыкая в карту пальцем, сказал Шпарин. Он увидел всё, что ему было нужно.

— Ого!.. Как же это... почти семьдесят километров. А эту деревню я знаю. Надо же! Тут живёт моя тётка, по отцу. Что с нами случилось, капитан?

— Испытания секретного оружия. Вы случайно попали под раздачу, но распространяться о произошедшем не советую. Нас вы тоже не видели. Понимаете, лейтенант Федотов?!

— Так точно, господин капитан! Наши действия?

— Двигаемся к деревне. Вон по той дороге. Там вы с экипажем можете некоторое время отдохнуть, после отдыха отправитесь в свою часть. А я убуду в Штаб и позабочусь, чтобы последствия вашего исчезновения не имели никаких последствий. Тетушка ваша, приветливая женщина? А то свалимся, как снег на голову.

— Не извольте беспокоиться, капитан, примет по-первому классу, родной племянник, в кои-то годы.

— Талант в тебе пропадает, Миша, не пойму только, актера или мошенника, — сказал Сергей Николаевич, когда друзья погрузились на танк и, держась за скобы на башне, поехали в деревню.

— Таких актеров полна вся наша бывшая родина, до самых верхних этажей. Классика жанра. Разводят народ, как хотят. Уже много, много лет. Залезут наверх и разводят.

— Не кипятись, Миша. Нервы, они ещё пригодятся.

Оставляя глубокие колеи, танк полз по петляющей лесной дороге. Шпарин, уворачиваясь от веток, наклонил голову и похлопал по обрешеченной башне. Из каждого сегмента решетки выглядывала короткая труба с линзой.

— Защита, активная.

Танк выехал на небольшую полянку и остановился. Из люка выглянула голова лейтенанта.

— Разрешите вопрос, господин капитан?

— Валяйте.

— Как нас нашли? Откуда вы знали, что мы окажемся именно здесь?

— Информация совершенно секретна, но вам, как участнику эксперимента, пусть не совсем удачного, скажу, — Шпарин строго посмотрел на танкиста. — Мы следили за вашими передвижениями из «Центра» и прибыли встретить точно зная, что вы вылезете из леса именно в этом месте. Хочу добавить: экипаж ждёт медицинское обследование и в завершение ваших испытаний, заслуженный длительный отпуск и, возможно, награды. Нет, не возможно, совершенно определённно: награды, — сказал Шпарин и помахал вертолёту, пролетающему над поляной. Вертолёт сделал круг и скрылся за верхушками деревьев.

— Видите? Ещё вопросы?

— Разрешите продолжать движение?

— Двигайтесь.

Лейтенант скрылся в башне.

— Брехун ты, Миша, какой же ты брехун! Так складно получается, как по-писанному.

— Профессия такая теперь, придумывать сказки для взрослых. А насчёт разводов... Моя совесть в этом мире девственно чиста. Я здесь не по своей воле, просто выживаю, как и ты, — раздражённо сказал Шпарин. — Но идея насчёт променада на танке по деревне что-то мне разонравилась.

Лес расступился и танк выехал на убранное поле, мокрое после дождя. Деревня была рядом.

— Сейчас врежет напрямки, поближе к обеду. К борщу и котлеткам, — сказал Сергей Николаевич, делая глотательные движения.

— Не врежет. Я передумал. Танкист, кажется, нам не очень поверил. Лучше перестраховаться. Вдруг у него связь заработала. Нельзя переигрывать. Важно соблюсти пропорции между вымыслом и неправдой. В твоём возрасте пора бы это уже понять. Эй, там, в коробке!..

Шпарин постучал кулаком по люку.

— Не слышат. Вот если кувалдой...

Шпарин перебрался вперед и, держась рукой за ствол танка, другой закрыл беретом триплекс механика-водителя. Танк, набирающий скорость, остановился.

— Разворачивайтесь! — приказал Шпарин голове лейтенанта, показавшейся из люка. — Зелёная машина на обочине! Давай к ней. Это за нами. Стоит на дороге, водитель побоялся завязнуть в грязи. А вы двигайтесь в деревню, отдохайте. С вами скоро свяжутся.

«Ничего не понял. Ни карты, ни раций. Грязные. А с другой стороны: вертолёт, машина ждёт, — думал танкист, наблюдая, как загадочный капитан и наблюдатель из Департамента Закрытых Исследований карабкаются по высокому откосу к дороге. — Доложу начальству. Послезавтра... Или не доложу, ну их к чёрту, пусть катятся, и так неприятностей выше башни».

Глава 4. Губернаторск.

— Свобода! Ветер!.. — закричал Шпарин, выбираясь на изумительно ровное четырёхполосное шоссе. — Нам бы такие дороги. Дышите полной грудью, господин Сьюбаритобов.

— Какая свобода? Где? Стой, дай отдышусь! Про возраст ты правильно сказал. Тяжеловато в мои годы вести такую жизнь, на танках кататься, не есть, не пить...

— Вы разве не чувствуете запах свободы? Дышите, дышите, сейчас полегчает.

Шпарин похлопал Сергея Николаевича по спине и, пропустив несколько машин, перебежал дорогу.

— Автомобильчик военный, какого-то босса. Спецсигналы. Номера — ДБ0404ДБ, судя по ним, тутошнему начальству присущи все пороки свойственные нашему. Где водила?

— Этого водилу будет трудно уболтать. Поехали, быстрее, ключи в замке! — присоединяясь к Шпарину, сказал Сергей Николаевич и открыл водительскую дверь. — Поехали, пока никого нет. Садись!

— Я вам сейчас поеду! — крикнули из кустов. — Отойди от машины!

— Николаич, твой выход, пора бы и тебе применить способности, не всё мне отдуваться.

Из кустов выскочил разъярённый мужчина с пиджаком подмышкой и, застегивая на бегу брючный ремень, ринулся к автомобилю.

— Я вам сейчас поеду! Я вам покажу водилу!

Мужчина надел пиджак и, открыв правую дверь автомобиля, достал из бардачка пистолет и пластиковые наручники.

— Одевайте, голубчики! — протягивая наручники, приказал мужчина и, взглянув на лицо Шпарина, изумлённо открыл рот.

— Внимание! — сказал Сергей Николаевич. — Посмотрите на шоссе. Вы видите поток машин? Они двигаются быстро, обгоняют друг друга, мелькают перед глазами. Их движение непрерывно, завораживающе красиво. Поток сливается у вас в глазах в одну непрерывную ленту, вы смотрите на эту пёструю ленту и расслабляетесь. Расслабляетесь... У вас всё хорошо. Всё хорошо. Вы расслабляетесь. Вам хочется сесть в машину и влиться в этот прекрасный поток. Вы расслабляетесь, садитесь в машину, спокойно и медленно. Что вы делаете?

— Сажусь в машину, — ответил мужчина. — Спокойно и медленно.

— Садитесь в машину полностью расслабленным. Продолжаете смотреть на движение. Вам хочется отвезти нас, куда я попрошу и ответить на мои вопросы. В пути вы будете осторожны и внимательны. Вы чувствуете себя хорошо, у вас всё прекрасно. Как вы себя чувствуете?

— У меня всё хорошо, всё прекрасно.

— Что вы будете делать?

— Отвезу вас куда попросите и отвечу на ваши вопросы.

— Потом вы забудете о нас и никогда не будете вспоминать. У вас по-прежнему всё хорошо. Что вы сделаете?

— Я забуду о вас и не буду вспоминать.

— У вас всё будет хорошо. У нас у всех всё будет хорошо. Просто прекрасно. Отдайте пистолет и наручники. Отвезите нас в город.

Мужчина протянул экстрасенсу пистолет, наручники, завёл двигатель и влился в поток машин. Шпарин забрал у Сергея Николаевича пистолет, вынул обойму, проверил и вставил обратно.

— Вы будете двигаться уверенно и внимательно. Вы будете отвечать на мои вопросы и не будете слушать наши разговоры. Понимаете?

— Да.

— Это очень хорошо, у вас всё будет хорошо. Вы военный?

— Да.

— Звание, место службы?

— Полковник Инеев. Департамент Безопасности. Начальник Четвертого Управления.

— Зовут вас, как? — спросил Шпарин, перегибаясь через спинку сиденья и заглядывая полковнику в лицо.

— Игорь Андреевич.

Шпарин побледнел и откинулся назад.

— Замечательно. Это папа.

— У всех есть папы, — сказал Сергей Николаевич. — Но я не удивлюсь, если у тебя его вообще не было, и ты появился на свет сам по себе.

— Этот папа особенный. Папа тех одинаковых красоток с Базы.

— Из всех машин на дороге тебе обязательно надо было выбрать именно эту.

— Кто знал? Фатум.

Показались дома. Потоки автомобилей уплотнились. Машина въехала в город.

— Слушай, Николаич, а почему ты не сбежал с Базы таким же способом?

— Куда? — погрузился Маралов. — Куда?.. Кто меня, где ждёт? А тут почти как у нас. Дома, деревья, автобусы, троллейбусы, машины, такси... Женщины ходят в откровенных нарядах... Минимум одежды. Рекламный щит видел? «Дом Свиданий «Мужские Мурашки». Я в шоке.

Шпарин достал из кобуры пистолет.

— У них военное положение. Патрули на улицах. Полковника надо куда-то девать.

— Миша, а ты это чего задумал? — испугано спросил Сергей Николаевич, глядя на искажённое лицо Шпарина. — Миша, ты что, не в себе?..

— Я давно не в себе и совсем не там, где должен быть.

Широкие улицы сменились узкими. Несколько поворотов и автомобиль остановился на засаженной кленами, тихой прямой улочке, у ворот двухэтажного особняка.

— Улица Генерала Липаря, дом 154, — сказал полковник. Инеев сидел прямо, смотрел на дорогу за капотом и обеими руками держал рулевое колесо.

Металлическая дверь в решётчатом заборе рядом с воротами открылась, из калитки вышла черноволосая девушка в сером брючном костюме и, помахивая сумочкой, стуча каблучками, потряхивая копной длинных волос, прошла мимо машины.

— Папа?! — воскликнула девушка, останавливаясь, и сделала шаг назад. Глаза её округлились и стали ещё больше. — Шпарин!?!..

— Ба-бах!.. Да, это судьба, Миша! — сказал Сергей Николаевич. — Он привёз нас к себе домой!

— Гони!.. — закрывая лицо ладонью, заорал Шпарин и приставил к затылку Инеева ствол пистолета.

Полковник нажал на «газ». На перекрёстке, поворачивая налево, автомобиль врезался во встречный фургон, который поворачивал на ту же улицу.

— Миша, ты цел? — спросил Сергей Николаевич, вываливаясь из машины.

— Местами, — ответил Шпарин, вываливаясь на дорогу с другой стороны.

— Надо же, хотел пристрелить будущего тестя.

Шпарин, прихрамывая, обошёл изувеченный автомобиль. Из-под покорёженного капота валил дым. Полковник лежал грудью на руле и не подавал признаков жизни. Вдоль улицы уносился водитель грузовика.

— Вытаскиваем «папу», сейчас полыхнет, — сказал Шпарин. — Помогай!

— Нужно было постараться, встретить на пустой улице единственный грузовик и в него врезаться. Это ты виноват. Ты погнал его.

— Девчонка меня узнала. Посмотри, где она.

Сергей Николаевич выглянул из-за разбитой машины.

— Метров четыреста. Бросила сумочку, сняла туфли и бежит сюда. Что будем делать? Останешься хоронить тестя?

Лежащий на газоне полковник открыл глаза и сел.

— Адъютант! — хватая Шпарина за грудь, прохрипел Инеев. — Где это мы? Попали в аварию? Принеси серебряную фляжку из сумки в багажнике.

— Переклинило, — поставил диагноз Шпарин, отдирая руки полковника от формы.

Полковник толкнул Шпарина и мотнул головой.

— Отстань! Где адъютант, пусть принесёт фляжку.

— Опять повезло, — пробормотал Сергей Николаевич. — С Базы сбежали, из леса выбрались, до города добрались, в аварии побывали...

— Принеси, — попросил Шпарин, — и наручники забери с сиденья, пригодятся.

Сергей Николаевич открыл багажник, достал фляжку и протянул полковнику.

— Уходим, сейчас народ соберётся. Перестань оглядываться, переходим на шаг и дворами, дворами... Начинается новая жизнь.

Добежав до разбитого автомобиля, девушка склонилась к отцу.

— Где болит? Грудь болит, голова?.. Наверное, сотрясение. Не вставай! Да ты пьян!

— А, дочка! — сказал полковник, бросил опустевшую фляжку на траву и облизал губы. — Ты была за рулем? Не расстраивайся, у нас у всех всё будет хорошо, просто прекрасно. Па-анимаешь?..

До темноты беглецы просидели в каком-то сквере. Перебирали варианты.

— Ограбим банк? — предложил Сергей Николаевич. — Оружие есть. Без денег никуда, совсем люди очерствели. Никто ничего не делает бесплатно.

— Да... Ужасные у вас наклонности, господин Маралов.

— А полковники с миллиардами в квартирах? Им можно?

— Так то у нас, — сказал Шпарин.

— И тут так. Везде одно и то же. Нам нужны деньги, чтобы начать с начала.

— Нагрянем в банк и сразу засветимся. Кстати, какие деньги у них тут в ходу?

— Рубли и доллары, как у нас. Курс — рубль за бакс, паритет. Рубли с портретом Генерал-Губернатора. Баксы с чёрной бабой на месте президента, ещё анекдоты ходили по этому поводу. Что будем делать? Умирать с голоду? Я же говорил: авантюра!

— Мы перешли на нелегальное положение, — буркнул Шпарин, — необходимо время, чтобы освоиться. Пожрать мы достанем. Выберем продуктовый магазинчик попроще, и ты покажешь фокусы.

— А ночевать где?

— Что-нибудь придумаем. Поднимайся.

По тротуарам передвигались хорошо одетые люди, из открытых окон ресторанов звучала музыка, было достаточно темно и прохожие не обращали внимания на потрёпанный вид и заросшие щетиной лица беглецов.

— Или сегодня выходной, или они веселятся каждый день, — озадаченно сказал Шпарин. — Ты знаешь какой сегодня день недели?

— Не знаю, я все дни перепутал. У нас тоже веселятся, сплошные праздники, — слабым голосом ответил Сергей Николаевич. — У меня на улице кабак, кафешки. Каждый день что-то празднуют, фейерверки, петарды пускают. Я скоро упаду от голода.

— Постоим. Оценим обстановку. Прислонись к дереву. Здесь нет патрулей. Может они на зарплате у местных заведений? Зона свободная от полиции.

— И от транспорта. Ни одного автомобиля.

На противоположной стороне улицы, слева, метрах в тридцати от входа в ресторан под названием «Три осины», шла игра на деньги. Длинноносый скользкий тип с бегающими глазами двигал по небольшому столу три карты, предлагал сделать ставку и угадать, где находится карта с портретом Генерал-Губернатора. Справа от входа играли на гитарах и пели три длинноволосых молодца. В раскрытом гитарном футляре пучилась куча бумажных денег. Вокруг музыкантов, подпевая и пританцовывая, толпились люди. Один из музыкантов подмигнул Шарину и улыбнулся.

— Ещё чуть-чуть и мне покажется что мы дома, — сказал Шпарин. — Сколько людей жизнь не учит, они всё равно наступают на те же грабли.

— Если ты себя понюхаешь, то не покажется.

— С какого перепуга я буду себя нюхать?

— Не чувствуешь запах? Дома, наверно, ты так не вонял, как, впрочем, и я.

— Теперь понятно, почему от нас шарахаются прохожие. Жаль гармошки нет, а то можно было влиться в уличный ансамбль и спеть квинтетом, но из-за нашего амбре отпадает и эта возможность заработать денег. Как низко мы пали, стоим, как два бомжа и раздумываем как бы срубить немного монет на пропитание. Где же я видел эту физиономию? Где-то видел. Но где?

— Представляю! — расхохотался Сергей Николаевич. — Не обижайся. Представил тебя скачущим по мостовой, дерущим гармошку и вопящим наши частушки. В нашей капитанской форме. Даже силы появились. Можно сказать, воспрял духом.

— Ты не потерял чувство юмора. Но оно только продлит агонию!

— Какую агонию, Миша? Решил пристрелить, чтобы не мучился? От тебя всего можно ожидать, я теперь знаю.

— Очень может быть, если сейчас же не приступишь к делу.

— Какому делу, Миша?

— Видишь рекламу: «Клуб Любителей Денег»? Не там. Вон там. У входа здоровущие мраморные львы с зелёными глазами. Сверкают в ночи, как изумруды. Это казино. Нам туда.

У входа в «Клуб» в поддержку каменным львам, охраняющим заведение, дежурили два мордоворота с удивительно интеллигентным выражением лиц и фильтровали посетителей.

— Не пустят в таком виде. А через дорогу я бы сыграл, но нет денег на начальную ставку.

Шпарин вспомнил, где видел «эту физиономию». Он узнал в музыканте пьяного штабного лейтенанта, вспомнил пистолет, пляшущий в его руке, и отверстие от пули в портрете за спиной.

«Менестрели» прекратили музицировать и устроили перерыв. Шпарин перешёл улицу, схватил убитого лейтенанта под руку и повёл за угол ресторана в тёмный проулок, подальше от толпы.

— Молодой человек, мы где-то встречались?

— Здравствуйте, капитан, — улыбаясь, сказал Ляхов и снял парик. — Проигрались?

— Э-э... Да... — растерянно сказал Шпарин, удивляясь необъяснимой радости на лице Ляхова. — Воротилы игорного дела вытрясли все сбережения. Хотелось бы отыграться. Если возможно, ссудите денег сколько не жалко.

— Поделимся, как не помочь?

Теперь Ляхов увлек Шпарина к свету, к толпе, нагнулся и схватил раскрытой ладонью из футляра охапку купюр.

— Мелочь, конечно, но на начало хватит. Разрешите, я с вами? Всё равно скоро заканчиваем, ребята доиграют. Ну и видок у вас, капитан!

— Ободрали как липку, спустил всё, пришлось даже заложить только что пошитую новую форму. Подрабатываете?

— Какая подработка?.. После драки с особистом выкинули со службы, дядя постарался, а любимый папа выгнал из дома. Сейчас одумался и зовёт обратно. Но я не спешу. Если честно — в средствах не стеснён, накопилось кое-что за время службы, а здесь назло родственникам.

— Не знаю, лейтенант, позавидовать вам или посочувствовать.

— Просто Лёша, капитан. Забыли?

— Хорошо, Лёша. Широкой ты души человек, таких сейчас мало.

— Сегодня богато наиграли. Может остальные забрать? Ребята не обидятся. Последнее время хорошо дают.

— Этого хватит. Николаич, иди сюда! — позвал Шпарин и протянул деньги подошедшему экстрасенсу. — Приступай!

Сергей Николаевич растолкал людей и как хищная птица навис над столиком.

— Фу-фу-фу... — сказали люди, отходя подальше. — А ещё в форме.

— Прошу простить, — извинился Шпарин. — Только-только с учений.

— Ставка? — спросил Сергей Николаевич.

— Десять рублей, — ответил носатый, окидывая экстрасенса взглядом. — Потянешь?

— Зря, — сказал Ляхов. — Он «кидала».

— Кручу-верчу, губернатора хочу.

Носатый перемешал карты и выстроил их в одну линию.

— Эта, — показал Маралов.

— Нет, не эта. Проиграл. Ещё?

Сергей Николаевич бросил на стол десятку и в течении минуты проиграл сотню.

— Он что, с ума сошёл? — занервничал Ляхов. — Это же цена отличного костюма, плюс куртка и туфли и из крокодильей шкуры. Пойдёмте лучше в ресторан, отметим встречу.

— Тихо... — прошептал Шпарин на ухо «мёртвому» лейтенанту. — Он его разводит.

— На все, — вкрадчиво сказал Сергей Николаевич, выкладывая на стол деньги. — Слабо?

— На кону две сотни, — кивнул носатый. — Говори.

— Эта, — показал Сергей Николаевич.

— Повезло тебе. Играем дальше?

— На все.

Кучка денег на столе непрерывно росла и скоро превратилась в небольшой стожок.

— Опять повезло!

— На все, — сказал Сергей Николаевич.

— Мальчики! — позвал кидала, поняв кто перед ним. — Нас грабят!

Из группы зевак, наблюдающих за игрой, выдвинулись два крепких парня. Шпарин приблизился к столу и расстегнул кобуру. Кидала нехотя кивнул.

— Забирай.

— Алексей, где можно прилично одеться? — спросил Шпарин, пряча деньги в карман. — Этот район мне почти незнаком. В столице бываю редко, всё время по командировкам.

— Я знаю. Вот не могу вашего друга вспомнить. Одет не лучше вас.

Шпарин посмотрел в глаза лейтенанту и усмехнулся.

— А ты вообще мало чего помнишь. Это Сергей Николаевич, тоже с нашей Базы. Специалист высокого класса, в своей сфере. Полчаса назад встретил.

Раздвигая прохожих, медленно проехал пятнистый джип без номеров.

— Отличный джипяра! — завистливо сказал Сергей Николаевич, провожая машину взглядом. — Когда-то, примерно такой, я хотел себе прикупить.

Автомобиль остановился у входа в «Клуб Любителей Денег». Из машины вылезли два человека в тёмных костюмах и, не торопясь, поднялись по ступенькам. Мордovorоты предупредительно распахнули двери. Мужчины с военной выправкой скрылись в «Клубе» и через несколько минут вернулись, держа в каждой руке по тяжелому кейсу.

— Так-так-так... — сказал Шпарин, наблюдая за мужчинами. — Всё понятно.

Пятнистый джип уехал. Сергей Николаевич глотнул слюну и неровными шагами приблизился к роскошной витрине магазина «Деликатесы».

— Яства! Буженина, балык, окорок... — постукивая ладонью по стеклу, забубнил Сергей Николаевич, — рубец, холодец, ветчина... Накормите меня! Больше не могу!

— Что с ним? — вздрагивая, спросил Ляхов.

— Болезнь у него. Всё время хочет есть, пить, в основном водку, и с женским полом у него напряжка.

— С этим поможем. Тут недалеко ресторанчик, кормят неплохо, публика приличная и девочки на выбор. Не чета этим «Трём осинам».

— Не надо, — сказал Шпарин. — Видел на соседней улице трактир «Простая еда». Перекусим на скорую руку. У нас ещё много дел. Приоденемся и в «Клуб Любителей Денег». Растрембушим денежный вертеп! Сергей Николаевич поможет. Ты наблюдал его способности. Карты видит насквозь.

— Я с вами. Я вам пригожусь, капитан.

— Пригодишься, — согласился Шпарин. — Деньги сможешь нести.

— Может и ноги, — сказал Сергей Николаевич. — Их нам могут оторвать.

— И вот ещё что, Алексей... Эти твои ребята, музыканты, кто они?

— Армейские. Лейтенанты. Ну вы, капитан, даёте! Я же рассказывал.

— Да? — озадачился Шпарин. — Может быть... Не помню. Столько воды утекло.

— Длинный — Вова. Тот, с добрым лицом, Степан. Вместе начинали. Служили в комендантском полку, здесь, в Губернаторске. Потом меня дядя перевёл на Базу в роту охраны. Их тоже недавно вышибли. Набили морду сослуживцу за кляузы, стучал в Департамент Безопасности. В париках. Как-то стыдно — военные и бряцают на гитарах. Не привыкли ещё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.